

СВЕТ СТОЛИЦЫ

литературно-
художественный
журнал

03 / 2022



2022

УДК 882
ББК 84(2Рос)

Учредитель:
ООО «ИПО «У Никитских ворот»

Издатель:
АНО «Редакция альманаха «Академия поэзии»

Журнал издаётся при информационной поддержке
«Литературной газеты»

Главный редактор:
Максим Замшев

Шеф-редактор:
Анна Баранова

Корректор:
Анна Соломатина

Дизайн-макет:
Андрей Дирижаблев

Компьютерная вёрстка,
оформление обложки:
Алина Симонова

В оформлении обложки использована репродукция
картины Рериха Н. К. «Странник Светлого Града»

.....
Адрес редакции:
121069, Москва, ул. Большая
Никитская, 50а/5, стр. 1, оф. 36.
Тел.: +7 (495) 690-67-19, +7 (495) 690-50-72
info@acpoetry.ru

Тираж 1000 экз.

© Академия поэзии, 2022
© Издательство «У Никитских ворот», 2022
© Коллектив авторов, 2022

ISBN 978-5-00170-563-5



9 785001 705635 >

ТЕМА НОМЕРА:

«85 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ

В.Г. РАСПУТИНА (1937–2015)»

1

ПОЭЗИЯ



ИННА ДЁМИНА

Раздумье

Весенняя мыследеятельность

Весна, весна, дари нам юность
Не только для того, чтоб вновь
Сердце, как прежде, встрепенулось
И взбудоражило нам кровь!
Весна нужна для обновленья,
Нужна как жизни эликсир,
Чтоб не было в душе забвенья,
Что Ты и Я – то целый мир!

Дёмина Инна Владимировна – кандидат педагогических наук, член Союза писателей России, поэт и прозаик, автор девяти литературно-художественных книг, три из которых издала в 2020 году. Награждена московской городской организацией Союза писателей России юбилейной медалью в связи с 75-летием Победы в Великой Отечественной войне. Печатается в журналах «Свет столицы», «Александръ», литературных альманахах «Золотое руно», «Сияние лиры». Работает в трёх литературных гостиных В.М. Богданова, Л.У. Звонарёвой, В.Н. Иванова.

Диалог жён

«Как трудно, – говорит одна, –
В своей семье царицей зваться!
Намного лучше среди детей
Для мужа деткой оставаться».
«Всё лучше то, чего в нас нет, –
Другая повествует мудро, –
В том, милая моя, секрет,
Счастье жены – в надежде утра!»

Нет правды?

«Правды нет меж нас, но нет её и выше», –
Раз философствовал мудрец.
Будь правдой этот глас, тогда, друзья, потише,
Придёт всем нам конец.
«Нет истины меж нас, но нет её и выше», –
Раз философствовал поэт.
Будь истиной сей бред, то храм Христа Московский
Не возродился б, нет!

Алфавит жизни

Сказавши А, берись за Б,
И так до Я и Ю.
Блюда, как в юности,
Так на исходе честь свою.
А коль дано тебе Провиденьем ещё летать,
Пари красиво над землёй
И помни: так держать!

Истина

Мужчина всегда то, что его женщина,
Эту истину хранит альянс без трещины.

Слабости с годами крепнут,
Достоинства чахнут в пути,
Но свыше послано счастливым
И в старости гармонию блюсти.

Спасёт мир что?

Вы помните, у Достоевского
Написано: «Спасёт мир красота»?
Чуть ниже пояснил мыслитель:
«Спасёт и человека, и цветы
Творенье рук и сердца красоты!»

Серебряная свадьба

Клубились для других во мне напевы, ритмы,
Но вот сегодня мой черёд настал.
«Счастливой родилась она, поди ж ты, –
Старик-отшельник маме раз сказал, –
Полжизни быть ей на коне упругом,
Не знать волненья, трудностей, тревог,
Растить двоих детей, любимой быть супругом».
А далее предугадать не смог.
Счастливый тот, кто счастлив в своём доме,
Кто смог наполнить свой очаг детьми.
Я эту мысль нашла в толстовском томе,
Взяв напрокат, а может быть, взаймы.
Но мало мне детей, мне дома мало,
Работа встала предо мной в свой рост!
Авторитет, достоинство, признание
Личности нужны. За то мой тост!
Как видим, нет конца сему сужденью
Ещё и потому, что жизнь всё бьёт ключом!
Сегодня только серебро запело,
И к «золоту», Бог даст, мы приползём!

Иисус Сирах

После прочтения страниц Ветхого Завета

«Не задерживай подачу милостыни», –
В тысячелетиях звучит Иисус Сирах,
Тогда лишь сердце твоё не остынет
И не коснётся струн душевных крах!

Шесть десятков

Друзья, прекрасны шесть десятков!
Однако при условии,
Когда вокруг всё только гладко
И в теле нет дистрофии.
Все дети – их должно быть много –
В прекрасном устройении,
И внуков много – не со мною,
Но в лёгком отдалении.
А рядом муж, ещё с зарплаткой,
И балагур, и весельчак,
И ещё дочь – сосуд с загадкой,
Бальзам души моей. Вот так!
В философическом сём кредо
Недостаёт ещё звена,
Но в этом уж моя вина,
Пробел восполнить я должна!
Ничто, прочла я, так не красит
Женщину (пишет Стендаль),
Как лёгкая, с изыском праздность.
Мне Бог ту праздность ниспослал
Под старость, на моём излёте,
Я в этом вижу самый смак!
И тело, и душа в комфорте
Под старость – в этом свыше ЗНАК!
Кому, о Господи, могу доверить я
Прочсть это «нетленное» творенье,
Не вызвав на себя сатиры остря
Иль тихого, что ещё хуже, снисхожденья?

Разговор с молодожёнами

Философия Деда Мороза

Ответьте Дедушке Морозу
 И не сочтите за угрозу,
 Раскройте три вопроса мне:
 Проблема первая, простая,
 Её, друзья мои, играя,
 Способны вы разгрызть вполне.
 Медовый месяц в жизни есть,
 И на планете их не счесть!
 У каждого был раньше он один,
 Сегодня их три плюс один,
 Вдохнул ли он вам в душу мудрость,
 Медовый ваш, что друг для друга
 Вы и слуга, и господин?
 Второй вопрос, увы, не прост.
 Глава семьи – вот в этом гвоздь!
 Решился ль он в вашей семье?
 Демократия ли, биархат
 Судьбу супружества вершат?
 Поведайте и без утайки мне.
 Третий вопрос и на засыпку –
 Приготовили ль себе вы зыбку?
 Потому что грустная семья – два Я.
 Но то всего лишь полпроблемы,
 Нет – родить иль не родить – дилеммы,
 Созрела ли для сладких трудностей душа?

8 марта 2022. В первую неделю месяца на улице было -2, +2, в женский праздник -5, свежий снег присыпал старый грязный, чем заметно приукрасил и повысил настроение, сильно упавшее в связи с обострением международных взаимоотношений.



ЛЮБОВЬ ЗВЯГИНЦЕВА

Земля

Ещё одна зима прошла,
Ещё одна весна настала –
Земля с орбиты не сошла,
Только на целый год устала.
Ошибки поступи веков
На ней – как шрамы и увечья,
А боль от бед и катастроф
Ей не унять – и помнить вечно.
То весела, то вдруг грустна,
То милосердна, то жестока...
Такая разная она
От запада и до востока.
Но, сердцем пламенным стуча,
Она в движенье неустанном, –
Пока горит её свеча
На небе солнышком желанным.

Звягинцева Любовь Михайловна родилась в Шатурском районе Московской области. Живёт в Москве. По профессии инженер-программист, но литературное творчество всегда имело вдохновляющее значение в жизни и не было второстепенным. Так сложилось, что два любимых дела оказались чудесным сопровождением жизненного пути. Печаталась в альманахах: «Литературный Зеленоград» (Зеленоградский район г. Москвы), «Сфера притяжения» (г. Шатура), в журнале «Зеленоградская палитра», в литературном сборнике «Корни и крона Зеленограда». Автор книг «Ищу повод жить» (2018), «Сказка о счастье» (2019), «Счастье жить» (2020), «Я буду жить» (2021).

Весна

Ласкает берега последний снег,
Стекая в речку грустными слезами,
Прощанием приветствует расцвет
Весны – девчонки с синими глазами.

Из солнечных лучей её венки,
Накидка из зелёного ажюра...
При ней не спрячешь сердце под замок
От жарких стрел влюблённого Амура.

Она коснётся каждого слегка
Своей незримой трепетной рукою...
И я вернусь к тебе издалека,
И вспомню, как мы счастливы с тобою.

Возвращение...

Снова здесь, у родного порога,
После странствий и дальних дорог...
В сердце радость сменилась тревогой:
Как мой дом молчалив и строг!

Вот сейчас распахну я двери –
И в далёкое детство влечу!
Там теплом меня мама согреет,
Пожурит и прижмёт к плечу.

Молока и ржаного хлеба
Мне с любовью она принесёт,
А в окошко заглянет небо,
И сирень у крыльца зацветёт.

* * *

Горит лампы тёплый огонёк!
Молюсь перед иконой виновато...
Душа слаба, как хрупкий уголёк,
И не оплакать прошлые утраты...

Мне вспомнился наш дом в вечерний час,
И от лампы отблески на стенах,
И мама... молится за всех за нас,
Перед иконой стоя на коленях.

Тот огонёк уютно трепетал,
Какой-то тайной дом наш освещая,
Он будто бы молитву окрылял,
Слова её и чувства понимая.

...Горит моей лампы огонёк.
Молюсь перед иконой виновато...
Душа слаба, как хрупкий уголёк,
Но рядом мама... как тогда... когда-то.

* * *

Скользнул луч солнца по стене
И прошептал: «Моя родная,
Ты на земле нужна и мне,
Единственная, дорогая.
Я чувствую твою печаль,
Когда в разлуке мы бываем,
Но и сквозь тёмную вуаль
Тебе тепло я посылаю.
Ты терпеливо меня ждёшь,
Когда поникли твои плечи...
Я вижу, как ты устаёшь, –
Об этом знает поздний вечер.
Ему вверяю я тебя,
Пусть он твой сон оберегает
И, вдохновляя и любя,
На новый день благословляет».



ВИЛЕН ИВАНОВ

Из цикла «Социологическая рефлексия»

Долгожданное

Россия признала независимость ДНР и ЛНР.

Из сообщений газет, радио, телевидения.
Февраль 2022

Об этом следует сказать:
Хвала Всевышнему – свершилось!
Власть наша наконец решилась
Донецкие республики признать.

Иванов Вилен Николаевич – советник РАН, член-корр. РАН, д. ф. н., профессор, член Союза писателей России. Автор более 500 научных и литературных публикаций (книг, брошюр, статей, сборников стихов). Имеет государственные и общественные награды. Лауреат научных и литературных премий. Почётный член Российского общества социологов (РОС). Почётный доктор наук Института социологии РАН. Почётный член Военно-научного общества при Центральном доме Российской Армии им. М.В. Фрунзе. Почётный гражданин г. Минниаполиса (США). Полковник в отставке.

* * *

Непросто в этом мире жить
И оставаться человечным,
Есть ценности, что мы считаем вечными,
Их нужно нынче защитить.

* * *

Здравый смысл чтоб всё же победил,
В эти дни тяжёлые, тревожные
Мы себе задачи ставим сложные,
Только бы у нас хватило сил!

* * *

Становятся устои зыбкими,
И надо бы нам всем понять,
Что наши прежние ошибки
Настало время исправлять.

Праздник

*105 лет назад состоялось
отречение Николая II*

Предложил намеренно кто-то,
Кто умеет удивить,
Новый праздник учинить,
Чтобы в марте каждый год
Отмечал бы наш народ
С радостью и упоением
Самодержца отречение,
С «должности» его уход,
Видя в том такой желанный
Шаг к свободе долгожданной.
Есть такое предложенье.
Надо обсудить!

Познание

Забота есть такая у меня:
Понять значение нынешнего дня,
Его суровость, злую непреклонность
И дней грядущих неопределённость –
Понять, усилий не щадя.
Задача есть такая у меня.

* * *

А на вопрос, как надо жить,
Вопрос житейский, а не книжный,
Я отвечаю: нужно ближним
Побольше радости дарить!

Ностальгия

В.Н. Ксенофонтову

Мой старый приятель,
Мы знаем с тобой,
Что жили вчера на планете другой,
И нынче, о будущем нашем мечтая,
Всё чаще и чаще, грустя, вспоминаем
Планету и то, как жилось нам с тобой.

* * *

История об этом говорит,
История нас в этом убеждает,
Россия недругов, собравшись, побеждает
И в пандемию устоит,
И Запада атаки отразит.
России Бог благоволит,
И вера в Бога вдохновляет.

Грядущая радость

Будет и на нашей улице праздник.

Пословица

Многострадальны наши люди,
Их надобно сегодня поддержать,
Их убедить, им доказать,
Что радость в нашем доме будет,
Что надо, поборов сомненья,
В удачу веря и в везенье,
Её приход стараньем приближать.

Новый путь

Колесо потребления крутится без остановок,
И мы как белки в этом колесе,
Но, слава Богу, кажется, не все
Участвуют в лишённых смысла гонках,
Есть те, кто стал над этой суетой,
Кто окрылен иной мечтой,
Иным житейским устремленьем,
И это убеждает, вне сомненья,
Что шансы есть пойти другим путём,
Что мы на этот путь свернём –
Путь творчества, путь Истине служенья.

Исправление ошибок

Сегодня тем, кто пишет мемуары
И любит прошлые деянья вспоминать,
Хочу во всеуслышанье сказать:
Пришла пора ошибки исправлять,
Иначе нам – и молодым, и старым –
Потомков критики не избежать.
И первое, что надо совершить, –
Разрыв в доходах сократить,

Приватизации итоги отменить
И, не боясь протестов и скандалов,
Остановить утечку капиталов,
Офшоры нашим богачам закрыть.
Конечно, это сделать всё непросто,
Но всё равно когда-нибудь придётся,
И хорошо б с участием властей
Всё это сделать побыстрее!

* * *

Нам битвы предстоят большие,
И время подошло готовить рать,
Но только б веру нам не потерять
В могущество и торжество России.



ВАСИЛИЙ МУРЗИН

* * *

Я гадаю не по годам,
А по кольцам, по кольцам
Спиленных тополей, тополям
Песню пою,
Покуда она поётся!
Тополя – ровесники войны,
Нескольких эпох суровых,

Мурзин Василий Сергеевич. Поэт. Родился 3 октября 1982 года в Москве. Постоянный автор «Литературной газеты». Победитель конкурсов «Поэт XXI века (премия им. С.А. Есенина)», альманаха «Литературная Республика – 2021», финалист конкурсов альманаха «Литературная Республика – 2019», «Антология русской зимы» Московской городской организации Союза писателей России (МГО СПР). Награждён наградами МГО СПР: орденом МГО СПР «За вклад в литературу XXI века», медалями «Родина-мать зовёт» в честь 75-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне, «Цветаевские костры» имени М.И. Цветаевой. Автор книг «Обнуление», «Остров», коллективных сборников постоянных авторов «Литературной газеты» «15» и «Приглашение в мастерскую», Энциклопедии «Московская городская организация Союза писателей России... XXI век... Начало...», многих коллективных сборников МГО СПР. Публиковался в газетах «Литературная Россия», «Независимая газета», «Литературные известия», в журналах «Москва», «Вторник», «Свет столицы». Номинант премии VII Международного конкурса имени Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков (2019).

Росшие с пятиэтажками – вы
Обречены на забвение,
Обнесены забором.
Тополя, тополя,
Погадайте не для
Пользы, погадайте на
Совесьть.
Я хочу жить в тени
До войны.
Или после,
Лишь бы длилась
Тополя
повесть!

* * *

I tell fortune not by years,
By the sawn poplar rings,
And to poplars
I will sing,
While my song flows!
Poplars, you are the age of war,
In severe times you grew,
With the building houses new,
Now we are forgetting all.
Surrounded by fence,
Oh my poplars high,
Tell my fortune with your
Sense,
Be sincere, do not lie.
I will live in the shade
Before
Or after the war,
Only let the poplar
Story
Live more!



АНАТОЛИЙ СУСЛОВ

Февраль. Зарождение весны

Оживленье соков бега,
Из корней рост напряженья,
Всюду свет, сиянье снега,
Ослеплённых глаз смеженье...

Голубые светотени –
Отраженье неба сини.
Облак в небе – лик весенний.
Солнца шлейф слепит павлиний.

Ослепляет солнце зренье.
Высь шарахается в небо.
И душа вся в воспаренье –
К солнцу рвётся жадно, слепо!

Надоела скука ночи,
Беспросветность стужи зимней!
Звон капли с крыш – источник
Вдохновенья в будней тине.

Суслов Анатолий Петрович. Родился в Германии в семье военно-служащих-медиков. Окончил Второй московский медицинский институт им. Н.И. Пирогова. Профессор-иммунолог, доктор медицинских наук, заведующий лабораторией в НИЦ ИЭМ им. Н.Ф. Гамалеи. Автор четырёх поэтических книг – «Отражение», «Иное», «Симфония чуда», «Азбука души».

Вдохновенье, рост желанья,
Набухание всех жилок,
Возрастанье обожанья
Губ, влекущих в одержимость!..

Морозный март

Природы знаменный распев,
Молитвы всюду, в каждой почке,
Берёзы, кроны ввысь воздев, –
Каноны к празднику, всё звонче

Синиц, пронзительнее трель,
И ели, сосны, словно в танце,
И аромат весенний, хмель,
Любовью Солнца дышат стансы...

Сугробы тают на глазах,
Сияя искрами проталин.
Казалось, междометье «Ах!»
Поэт в стихию искр вставил.

Мороз и солнце – жадно март
В себе границы сочетает:
Весне – внимание, на старт!
Зиме – прощайте, стужи стаи!

Я по дорожкам, как в бреду,
Бреду, просохшие их спины
Топчу, словно ковры, бреду
За силуэтом своим длинным...

И леденит меня мороз
Военных сводок, перемены
Берут за горло, сердца слёз
Никто не видит ночью, денно...

Но что-то есть в глазах весны –
Надежды луч и боль пронзают,
И помыслы уже тесны,
Когда сугробы тают, тают...

11.03.2022

* * *

Музыка, танец, песня –
В одном лишь движенье твоём!
Мир становится шире, и тесен
Души моей окоём...

Пытаюсь высказать в слове,
Выразить в музыке звук,
А ты в колдовской обнове
Чаруешь магией рук.

Мечтаю выплеснуть в ритме,
Мечтаю создать язык,
А ты в ароматов свите
Даришь душе лилий вскрик.

Тени бегут по саду,
В цветах пчелиный свет-рай,
Я вижу небес награду –
Взор за тобою за край!..

В каждом твоём движенье,
Во взгляде сквозь трепеты век –
Зов, души обнаженье,
К тебе навстречу разбег!..

Ритмы, музыка слова –
Тебя везде нахожу,
И снова теряю и снова
В тобой наважденье вхожу!..

14.02.2022

Мой водопой

Соты сочатся пространств
Горьким мёдом угрозы.
Сердце трепещет – пора
Выращивать дикие розы!

Вскормлен природой, я жив,
Плата за всё натурой –
Свет сквозь туманы лжи,
Зов сквозь завесу халтуры.

Зов тот приходит извне,
Там, где сгорают звёзды,
Зов тот немой в тишине,
Зов оглушительно грозный.

Сердце трепещет в ответ –
Роз лепестки расцветают.
Я вспоминаю обет,
Данный, когда не знаю.

Это обет был любви
К тем облакам, чьи ладони
Нячат меня – ты плыви
С нами ветру в погоне!..

Сердце падёт в водопой,
Чист кристально – пьют козы!
Козы пьют и поют:
«Сгиньте сердца занозы!»

Вскормлен природой, живу,
Нежу дикие розы.
Соты пространств наяву,
Даруют мёд мне угрозы.

* * *

Локон твой от тока
Потока вод.
Ловлю тебя от истока,
Мой неба свод.

Мой безмерно близок,
Вечно далёк,
С горних небес карнизов
В сердце поток.

Чудо – жизнь мгновенья,
Мой кровоток,
Будущего тени,
Прошлого сок.

Ближе ко мне, ближе
Вершины гор,
Дух их, они же –
Горнего хор.

Бей барабан, бубен,
Танец, кружись,
Пламя горящих буден,
Пепел слов лжи.

Локон ловлю тока
Потока чистейших вод.
Из каждого бьёт истока
Света восход.

* * *

Меня шокирует небо –
Оно всякий раз иное.
В сердце возрастает стебель –
Ломается сердце, ноет...

В сердце цветы возрастают,
Вянут, а сердцу мука.
Тают надежды, тают,
Растут сугробы недуга.

Мечется дней будильник,
Мечтает – меня разбудит!
В сердце коптит кадильня,
Вместо огня в нём – будни.

В небо взор устремляю,
Неба учусь переменам.
Небо в ответ мне сияет,
Светы меняя мгновенно.

Светы растут цветами –
Радужное отраженье.
Каждая капля свята в нём –
Истины в нём движенье!

Небо меня колдует,
Меняясь в своих обличьях:
Свежий ветер там дует
Стремительно и поэтично!..

* * *

Каждая Божия тварь
Хочет, чтоб её похвалили,
Хочет, чтоб было, как встарь –
Увидели и полюбили!

Ангелы вдруг запоют,
Демоны вдруг онемеют –
Сердце ищет приют
Там, где другие не смеют.

Сердце, как море, в нём кровь
Волны вздымает, бушует,
Сердце ищет схорон,
Мечется, мучится, чувствует...

Чует далёкий поход
В дивные дальние страны,
Там, где восход и заход
Единовременны, странны.

Птицы на все голоса –
Самый живой оркестр!
Зреют в цветах чудеса –
Бросил в них зёрна ветер...

Каждая Божия тварь
Ждёт, чтоб её похвалили,
Сквозь туманы и хмарь
Заметили и полюбили!..

* * *

Я навру с три короба,
Обману тебя.
Есть такая хвороба –
Бред трубить, любя.

Я бросаю тёплую
И живую сеть,
Я губами шлепаю,
Страсти гимн воспеть,
Я во власти магии,
Колдовству сродни –
Душными оврагами
Чистый мчит родник...

Розы увядание...
Солнечный рассвет...
Исцелю страдание –
Брошу слов букет!

Локоны... объятия...
Трепет век и губ...
Боль и слов распятие
Вытерпеть смогу!

Я навру с три короба,
Вскрою слов тайник.
Страсть там – злая хвороба,
Муки счастья вскрик!

* * *

Расколдовыванье образов,
Разволшебниванье людей...
Только строгий сирены зов,
Только скопище мутных идей.

Небо, облака позову –
Может быть, замедлят свой бег,
И вернётся сказочный звук,
И волшеббно посыплется снег?!

Здесь и там мерёжа тесна –
Рыбки плывут в последний путь,
В творчестве нет волшебного сна,
В песнях – вопли, стенания, жуть!

Разорву зловещую сеть,
Закричу облакам: «Здесь я, здесь!
Заколдуйте мне так свою весть,
Чтоб я знал, что живой ещё, есть!»

Зачарованные небеса,
Заколдованные острова
Отвечают: «Решай своё сам –
Как творить чудеса, колдовать...»

Скальп эпохи

Звнящая приземлённость.
Впиваются в сердце остья,
Сыплются чувств охвостья,
Эмоции немудрёны.

Все они благоверны.
Клановость – дух их конфессий.
В каждом земном интересе –
Схватка веры и скверны.

Куполом Птолемея
Звёздное небо покрыто,
В центре – земное корыто,
Своекорыстия Гея.

Где же безмерный Космос?
Одушевлённость Вселенной?
Мир без души стал тленным,
Жизни иссяк в нём осмос.

Чучело чувств смехотворных,
Пышность святынь декораций.
Где же ты, друг мой Гораций?
Гамлет где, умник и ёрник?

Звнящее благозвучье
Слов и вещей и разгула!
От зуда спасенья нет, гула,
Падальных мух реют тучи.

Но остались герои,
Те, в ком жизнь ещё дышит.
Только их голос всё тише –
Падальных мух звонки рои.

Жив Апокалипсис в душах –
Грядут во святых перемены!
Артерии жизни и вены
Очнутся от смерти удушья!

* * *

В дрожании ресниц твоих
Жив трепет крыльев стрекозы,
Взгляд тёпл и свеж, глубок и тих –
Рассвет июльский, штиль и зыбь.

И стонет мастер – древний грек,
Взглянув на мрамор твоих рук –
Там красок жемчуга разбег,
Там пух лебяжий, свет и звук!

Я жду, я жду, свиданья жду,
В том ожиданье – нежность, боль...
Тропу я новую найду,
Где снова встретимся с тобой.

Мы снова встретимся, как встарь,
Но обновится целый мир.
В нём вспыхнет прошлого янтарь,
Грядущей ласки звёздный пир...

Я сплю и вижу наяву,
Как ты из матрицы пространств
Войдёшь, как клавишина звук,
Как горна зов, как горн-шаман...

Умру ли я от полноты
Всех охвативших меня чувств,
Я знаю только – это ты!
К тебе я рвусь, к тебе я мчусь!..

3–4.02.2022

* * *

Тот изнемог слепой певец,
Когда прозрел – увидел чудо:
Вздымались волны полногрудо,
И в небе воссиял венец!..

Слепец очнулся – в сердце битва
Мгновений счастья и мечты,
Как метеор, вглубь темноты
Сияние, как бритва, как молитва!..

Откройся, глубь, где тьмы сиянье,
Где шёпот струн, распевов стон,
Где в отраженье – неба склон,
Где мы, где нас тобой слиянье...

Ветвей берёз весенний лепет,
Шум, фыркание коней, их водопой...
Душа слепа – прозри и пой
И нежность ласк дари без счёта!..

Лицом, рукой струй белоснежных
Касаясь, ныряя в глубину
Желания, к тебе прильну
И растворюсь в волнах безбрежно
Нежных!..

2

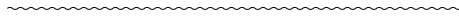
проза



ВЯЧЕСЛАВ КИЛЕСА

Русская баба

События двадцать четвертого февраля обрушились на меня, когда я и мой муж Жан отдыхали в харьковском отеле со странным названием Карушта. Муж лечил в Харькове непонятную для французских, но вполне понятную для украинских врачей болезнь: причем уверенность их диагностики росла с увеличением суммы евро. Фирма Жана в Париже приносила доход, достаточный для оплаты самых фантастических консультаций, поэтому я по поводу денег не заморачивалась, тратя время на общение с живущими в Харькове подружками, закончившими некогда вместе со мной местный фармацевтический вуз.



Килеса Вячеслав. Председатель РОО «Союз писателей Крым», член Союза писателей России, Национального союза писателей Украины, Союза русскоязычных писателей Болгарии, Союза писателей Северной Америки. Гл. редактор газеты «Литературный Крым». Автор книг «Весенний снег», «Провинциальные рассказы», «Истории, рассказанные вчера», «Лестница любви», «Оглянуться, остановиться», «Сид», «Детективное агентство «Аргус», «Юлька в стране Витасофии», «Крымские рассказы», «Белогорский РОВД». Лауреат литературной премии НСПУ имени В. Короленко (2005 г.), премии Автономной Республики Крым в номинации «Литература. Работы для детей и юношества» (2009 г.).

Услышав звуки канонады, мы онемели, а потом помчались к администрации отеля выяснять ситуацию, – и услышали слово «война».

– Не волнуйтесь! – снисходительно сказал администратор. – ВСУ непобедимо, к тому же с нами НАТО, так что вскоре от России только головешки останутся.

Объяснение мне не понравилось: у меня мама в Крыму осталась, да и по рождению я россиянка, но спорить не стала: повела Жана в ближайший магазин за продуктами и водой, успокаивая его тем, что Россия, набив Украине за пару дней задницу, вернется к своим границам, поэтому пересидим этот период в отеле. Чтобы попасть в магазин, пришлось отстоять километровую очередь, но сушеные фрукты, воду, сыр, сладости и консервы нам все-таки удалось купить и даже дотащить до отеля.

Жан – хороший человек, но, как единственное дитя богатых родителей, к тяжелым ситуациям не привык и вздрагивал при каждом шорохе. Сидим в номере день, два, канонада ближе, в Харькове взрывы, НАТО спряталось в кустах, – и понимаем, что все серьезно и война накрыла нас с головой. Бежать некуда: аэропорт то ли разбит, то ли закрыт, немногочисленные поезда осаждают толпы людей, выезд из города контролируют блокпосты, по улицам патрули шастают, мужиков на пушечное мясо отлавливают. Из тюрем преступников выпустили, оружие им вручили, чтобы грабить было сподручней.

Жан в панике и готовится к смерти – да так, что и меня своим настроением заразил. Особенно когда увидела, как доблестное ВСУ свои «Грады» возле отеля размещает, чтобы свои шкуры нашими телами прикрыть.

Звоню по смартфону маме: «Прощай, – говорю – вряд ли выживу!». Мама смотрит на меня сурово: «Тебя эта Франция в слизняка превратила! Твоя бабушка два года в Отечественную войну партизанила, а ты от нескольких взрывов раскисла. Забудь, что ты французская мадам, и вспомни, что ты, во-первых, крымчанка, во-вторых, русская баба. И еще: у тебя в сумочке самое грозное оружие в мире – деньги. Хватай Жана в охапку, ночью пробирайся на вокзал, штурмуй поезд и поезжай во Львов: а там и граница недалеко. Поняла?!».

«Спасибо, мама!» – отключаю смартфон и готовлюсь к побегу (не догадываясь, что сразу после звонка мама, став на колени

перед иконой, плачет и молится о моей спасении). Изучаю диспозицию: расстояние от Карушта до железнодорожного вокзала – два километра, поезд «Харьков – Киев – Львов» отправляется в шесть часов утра. Чтобы успеть, нужно в три часа ночи отправляться.

Я и Жан по старой студенческой привычке с рюкзаками по городу ходили: их я и укомплектовала. В свой – документы, деньги, дорогие украшения, лекарства, запасное белье, носки, кое-что из одежды; рюкзак Жана набила продуктами. Три чемодана с остальным имуществом со вздохом оставила в номере, мысленно оплакав пошитые у Кристина Лакруа платья.

В три часа утра, сунув дежурному администратору пятьдесят евро, я и Жан выбрались из отеля и заторопились в сторону вокзала. Темнота... Далекая канонада... Улицы, отсутствием транспорта и людей напоминающие кладбища... Прыгающая по тучам луна... Чьи-то шаги навстречу: хватаю Жана за руку и тащу в ближайшее укрытие: гору мешков, набитых песком и сложенных на краю тротуара... Солдат с автоматом, бредущий по проезжей части и посматривающий по сторонам. Странно: патрули обычно парами ходят... Подождав, когда шаги стихли, побрели дальше, периодически натываясь на таких же солдат-одиночек и прячась где получится. Устали, пришлось несколько раз останавливаться, отдыхать... Жан мужичонка квелый, и рюкзак у него тяжелый: чувствую, вот-вот упадет. Забрала рюкзак, схватила мужа под руку и волоку, подбадривая себя тем, что я русская баба и все выдержу. Слава богу, вокзал показался: поезд и рвущаяся к вагонным дверям толпа.

Останавливаюсь, перевешиваю рюкзак с продуктами на Жана, достаю из своего рюкзака пятьсот евро, и, схватив Жана за руку, бросаюсь на прорыв. Минут через десять пробилась к проводнице, которую о чем-то упрасивал плачущий мужчина с младенцем на руках.

Сунула проводнице пятьсот евро, спрашиваю мужчину: «Что случилось?».

– Жену случайной пулей убило, – плачет – деньги на вокзале украли, а ехать надо.

Проводница посторонилась, нас в вагон пропуская. Выталкиваю вперед Жана, за ним со словами «Он со мной» мужчину с младенцем, а потом и сама в вагон ныряю.

Проводница доводит нас до спального купе: шесть женщин и овчарка в ошейнике и на поводке.

– Здесь располагайтесь – говорит проводница мне и Жану. – А мужчину с ребенком я в другом вагоне устрою.

Заходим в купе, здороваемся. Женщины потеснились, дали возможность сесть. Оглядываю хмурые лица и думаю о том, что дорога дальняя и надо из этих теток коллектив делать: под лозунгом «Скованные одной бедой!».

– Меня Наташей зовут – говорю. А мужа моего – Жан.

Выслушали, представились: Таня, Люда, Полина, Оксана, Ксения, Злата. Полина сообщила, что ее овчарку, выполняющую роль телохранителя, зовут Рекс.

Разговорились. Все ехали до конечной станции; о дальнейших планах умалчивали.

Поезд тронулся с места и, постукивая колесами, поспешил из города. Все замолчали, глядя на мелькающие за окном дома, деревья. Каждый прощался с той жизнью, которую забрала война.

Минут через двадцать проводница предложила чай. Все засуетились, доставая из сумок продукты. Увидев озадаченное лицо Полины, поняла, что ее этим утром заботило спасение овчарки, а не запас еды.

– Дамы – говорю. – Предлагаю сложить все продукты в один котел.

И начинаю рюкзак опустошать. Увидев мой продовольственный склад, все явно обрадовались и согласно закивали головами. Сунув Жану кулек с сухофруктами, сладостями и банкой тушёнки, велела найти в поезде мужчину с младенцем и отдать вместе со ста евро.

После завтрака, посетив туалет и закрыв купе, решили подремать. Жан и Злата расположились наверху, налопавшийся AlpenHof Рекс – на полу, а остальные, прислонившись друг к другу, на нижних полках. Заснула я сразу и впервые за последние несколько дней – спокойно. Потом началось словесное общение: дамы ругали Путина и Россию, а я молчала и думала о том, что сегодняшняя ситуация – это расплата украинцев за отключение Крыма от воды и электроэнергии, за восьмилетние артобстрелы Луганска и Донецка, за Аллею ангелов, где в числе прочих детей похоронена разорванная снарядом шестилетняя дочка моей

дальней родственницы... Так в разговорах, сне и еде прошло восемь часов.

Забежавшая в купе проводница, ткнув пальцем в Жана, объявила: «Через полчаса – киевский вокзал, прячьте мужика, иначе заберут воевать».

– Но он – гражданин Франции – изумилась я.

– Да хоть Полинезии! – выматерилась проводница. – Всех гребут.

Я задумалась. Туалет отпадает – его в первую очередь проверят, место для багажа внизу и сверху забито сумками и грудой одеял: к тому же он там не поместится... Замаскировать под женщину, сбрав Жану волосы на голове и усики, не успеем, да и парика нет...

Затаившийся на верхней полке Жан смотрит на меня умоляюще: не хочется ему воевать. Да и не брошу я его: придется вместе с ним в солдаты идти. Разве что...

– Доставай одеяла и спускайся вниз – команду Жану.

– Девочки, нужна ваша помощь – обращаюсь к своим спутницам. И объясняю диспозицию.

Дамы нахмурились: у них мужа в Харькове остались, а тут чужого мужчинку спасать предлагают. Только Полина и Злата одобрительно кивнули, остальные отворачиваются, плечами пожимают... Пришлось прибегнуть к серьезному аргументу: вытащила из рюкзака свои украшения – каждой что-то досталось.

Через двадцать минут завернутый в два одеяла Жан лежал на боку, прижатый к стенке купе четырьмя дамскими спинами. На коленях у дам лежало одеяло, еще одно одеяло укрывало женские ножки напротив.

Поезд остановился, началась высадка и посадка пассажиров. Затопали солдатские берцы: в вагон вошел военный патруль. Двери купе мы оставили открытыми: стоя на пороге, патрульный окинул взором наши лица, одеяла, задрал голову наверх, покосился на Рекса и прошел дальше. Но с облегчением я вздохнула только тогда, когда поезд тронулся с места.

Освобожденный из плена Жан радостно улыбался и целовал женщинам ручки: даже меня не забыл. Отпраздновав успех операции чаем и консервами, вернулись к обычному пассажирскому времяпровождению. Поезд шел медленно. Стихли звуки канонады: мы выбрались из войны. Позвонила маме, обрадовала ее.

На львовский вокзал приехали поздно ночью. Попрощались со спутницами: у каждой во Львове были родственники или друзья. В зале ожидания удалось найти свободные кресла; подремали до утра, а затем на такси добрались до украино-польского пункта пропуска Краковец – Корчева. Теста на коронавирус у нас, естественно, не было: его заменили 500 евро, которые я сунула таможенникам.

Такая вот история: вроде бы с благополучным окончанием, но все равно печальная. Я знаю, что Россия доведет спецоперацию до победы: нет силы, способной противостоять русскому оружию. Вот только славян станет меньше и многие мальчики и девочки не увидят восход солнца...



АЛЕКСАНДР МАХНЁВ

Московский прозаик Александр Махнёв продолжает знакомить читателей с персонажами иронических зарисовок «Затевахин и другие».

История пятая Это был зачётный сом

Затевахин не считал себя рыбаком. Рыбу ловить умел, но особой тяги к этому занятию не имел, потому к любителям не относился и, естественно, на профессионала не тянул. Рыбачил, если холодильник пуст и жена за рыбой посылала. Ловил сеть. Была у него

Махнёв Александр Владимирович родился в 1949 году. Профессиональный военный. В 1972 году окончил Рижское ВКИКУ имени маршала Советского Союза С.С. Бирюзова, в 1981 году с отличием и золотой медалью ВПА имени В.И. Ленина. Служил в ракетных войсках стратегического назначения, в центральном аппарате космических частей Министерства обороны РФ. Полковник в отставке. Имеет правительственные награды, в том числе орден «За службу Родине в Вооруженных силах СССР» III степени, юбилейные и памятные медали. После увольнения в запас продолжает трудовую деятельность в коммерческих структурах.

Автор более двадцати книг, лауреат литературной премии имени маршала СССР Крылова Н.И. (2017 г.), национальной литературной премии «Писатель года 2017» (3-я премия в основной номинации), обладатель Гран-при Всеармейского литературного конкурса «Твои, Россия, сыновья» (2018 г.). Член Союза писателей России.

одностенная сеть, простая, удобная, метров пятнадцать в длину. Конечно, лицензию на отлов не брал. Да, собственно говоря, в их краях эту бумажку никто и не требовал. Рыбачил Иван, как правило, один. Удобно, ненакладно, а учитывая, что Затевахин почти не употреблял спиртного, для здоровья полезно. Маринка такую позицию мужа разделяла. Она была рада, что её благоверный с мужиками на озеро не ходит. Те, как пойдут за рыбой, так ни рыбы, ни мужиков. Да ещё несколько дней потом дым в посёлке коромыслом – всё выход на «тихую охоту» отмечают.

Но однажды партнёр для рыбалки Ивану всё же нашёлся.

Через два двора, чуть ниже к реке жил старик, звали его Пантелеичем. Рыбак заядлый и мастер ловли великий. Сеть презирал, ловил только на удочку. Причём на одну. Рыбаки посмеивались, дескать, что там на одну клюнет, ты штук пять разверни, тогда толк будет. Но нет, Пантелеич обходился одним удилищем и рыбу домой приносил по весу солидную. Помогал старику внук, жил он недалече и приезжал к деду регулярно. Но вот на озёрах самый жор, а внучка нет. Пантелеич к одному пошаркал, к другому – не хотят с ним мужики идти. Толк от старика какой: не курит, не пьёт, да и ездит на дальние ставки.

И тогда он к Ивану.

– Поедем, Ваня, на рыбалку. Свои места покажу, рыбу научу брать зачётную.

Ваня пошёл было в отказ, но Маринка поддержала деда.

– Ванечка, холодильник пуст. А рыбки хочется, я бы котлет накрутила, поджарила, ушицу сварганить могу, а?

Что делать?

Иван последний аргумент включает.

– Пантелеич, ты же знаешь, я больше по сетям специалист, удилица не готовы.

– Это не беда. У меня запас есть, и приваду, наживку – всё возьму. Только, чур, на два дня едем.

Ваня на Марину посмотрел, мол, спаси, жена, за два дня я сильно по тебе скучать буду. Но Марина на своём.

– Вот и хорошо: свежий воздух, заодно веников навяжешь, может, грибы посмотришь.

Делать нечего. Надо готовиться. Хотя какой там веник, веники в июле вяжут, и грибов нет.

Поутру за ним заехали. За рулём «Жигулей» дедов приятель, Сергей Сергеич, сам Пантелеич на переднем сидении сидит. Погрузились, и в путь. По лесным дорожкам да просёлкам ехали километров шестьдесят. Сергеич дорогу знал, не впервые деда подвозил.

Приехали.

Озеро красоты необычайной. Вода прозрачна, бережок девственно чист, не вытопан, явно нога человека давненько здесь не ступала. Рядом с озером дощатый домик, у берега лодка. Хорошая лодка, человека три спокойно возьмёт.

Иван взял было удочку, но Пантелеич притормозил:

– Не спеши, друг мой, подготовиться надо. Давай-ка вещички в дом снеси, дровишек подготовь, а я снастями и прикормкой займусь.

Пока Затевахин дедовы задачи выполнял, тот сидел на берегу и обозревал водную гладь. Затем не спеша подошёл к вёдрам, сумкам и принялся колдовать. Ваня присел рядышком и наблюдал, что же такое хитрое делает дед, чего он не знает, – вроде ничего: смешивает, перетирает, трясёт, из ёмкости в ёмкость пересыпает. Нюхает! А нюхать есть что, аромат разносится – мама не горюй, сам бы съел.

Ваня сглотнул слюну, а тут и дед к нему.

– Что сидим? Время обеденное. Давай, готовь, что там жена в сумку положила, и мою снесь возьми. Найдёшь, в сумке она. И сторожку внутри посмотри, щели надо бы закрыть, комары здесь звери.

В четыре часа пообедали.

– Ну что, Ванюшка, соснём, а вечером посидим на берегу.

Пока Иван устраивал лежбища, Пантелеич прикармливал места лова. Делал это обстоятельно, не спеша. Сначала на глаз наметил точки. На глаз – это по дальности. А по направлению веточки на бережке расставил, одна веточка мушка, друга прорезь. Отойдёт, прищурится. Что-то не понравилось – подправит веточку, и дальше пошёл. И таких «винтовок» поставил четыре штуки. Накатал два десятка прикормочных шаров. Шары чуть больше теннисных. И давай их метать. Вроде как боец гранаты. Но как хороший боец, гранаты его падали, как ракетчики говорят, «ровно в колышек».

Внимательно посмотрел на любопытствующего Затевахина.

– Иван. Отбой!

Заснул Ваня мгновенно. Вот что значит мать-природа. Как на левый бочок лёг, так на левом боку и проснулся – Пантелеич толкнул.

– Ваня, давай на бережок.

Сидели часа полтора. Ничего выдающегося не поймали, так, карсей штук пяток и два карпа. А кучу плотвичек выбросили, дед так распорядился.

Темнело довольно быстро, и вражья сила – комары – в эту темень пошла в атаку. Причём Пантелеича не трогали: или кровь старая, или он у них за своего. А вот Затевахину досталось. И прыгал, и руками махал, и матерился – ничего не помогало.

– Иван, тикай в избушку, печь растопи, они и отстанут.

Ваня бегом в домик и на щеколду заперся. Но комары и там нещадно кусали. Кое-как растопил печь, вроде насекомые поутихли. А тут и дед.

– Что, Ванёк, поспим? Подъём в шесть. Да не переживай, утро будет тихим, комары уйдут.

Дед на боковую, и Ваня прилёг на топчан. Комары притихли. Затевахин закрыл глаза. Подумалось, комары действительно звери, но природа какова, озеро...

И тут раздался грохот.

Иван подскочил на топчане. Нет, домик стоит, и ничего не происходит.

Вновь грохот.

Боже! Это Пантелеич храпит!

Храпел старина знатно. Причём в любых тонах – и залихватским свистом, и похрюкиванием, и раскатом грома. Что только Иван ни делал: в унисон храпу свистел, мяукал, стучал ботинком по полу – ничего не помогает. Трижды будил деда, а тот почмокает губами и вновь храпит. И так продолжалось до половины шестого утра. Только Иван прикорнул, а тут дед подъём объявляет.

– Вставай, Ванюшка, уже шесть часов, первый клёв проспим.

И словно в насмешку спрашивает.

– Я не храпел, случаем?

И сам себе отвечает.

– Ну и хорошо, а то я иногда похрапываю по ночам.

У Вани сил на то, чтобы сказать Пантелеичу в эту минуту всё, что он о нём думает, просто не было.

В шесть развернули снасти, и уже к семи дед вытащил карпа килограмм на десять. У Ивана тишина. Дед ещё одного потянул, у Затевахина по-прежнему тишина. Он подумал: «Да и чёрт с ней, этой рыбалкой», – и заснул.

И снится Ване дом, Маринка, тарелка борща на столе, сметана и...

Очнулся Затевахин в воде, в руке удилище. Не бросил, крепко держал. Рывок, ещё один. Удилище плавно пошло к середине озера, и он за ним. Сначала ногами упирался, потом дно исчезло. Так они и плыли, удилище, почти скрывшееся под водой впереди, и Иван позади. Дед по берегу бегаёт, что-то кричит, Иван не разберёт. Впереди показался берег, и Ваня нащупал дно. Рывки прекратились. Слышит, позади уключины скрипят. Обернулся, а это Пантелеич что было сил к нему гребёт. Гребёт и кричит: «Брось удочку к энтакой матери!» И только сейчас Иван понял, на крючке удилища сидит рыба, да такая крупная и сильная, что его на противоположный берег озера вытащила.

Ну уж нет! Акулы здесь не водятся, кит тоже, а с этой громадиной как-нибудь вдвоём сдюжат. И они справились, и ещё чья-то сеть помогла. Запуталась в старой сети рыбина. Это был сом. Поднять в лодку его не смогли, а вот на берег вытащили. И взвесить тоже не получилось, не было весов для такого крупняка.

Пантелеич авторитетно заявил.

– Килограмм на сотню потянет. Знал я этого бродягу, вон на губе моя серьга висит. Снасти мне все порвал.

И действительно, на толстой губе сома висел крючок, да не один, три.

– И какой твой, дедуля?

– Да тот, что слева, самодельный тройник.

И только сейчас Ваня понял: он поймал зачётную рыбину. И не просто зачётную – рыбу-гиганта, вряд ли кто в их посёлке ловил полутораметрового, стокилограммового сома. Красавца бурого, с оттенками коричневатого-зелёного цвета и белым брюхом. Сердце рыбака от этой удачи нервно застучало, пот залил лицо, ноги ослабли.

Сел Ваня прямо в грязь.

– Пантелеич, а Пантелеич, меня Маринка домой теперь не пустит. Дед удивлённо на него посмотрел.

– Это почему же?

Ваня расхохотался.

– У нас холодильников дома столько нет!!!

Утром следующего дня к дому Затевахиных народ валил как в советские времена к Мавзолею.

Мужики чесали затылки, мол, и их Пантелеич с собой звал, да не пошли, не компанейский он мужик. А видишь, как вышло... Бабы Маринке наперебой рецепты давали: «Шашлык из сома хорош... В кляре, сом в кляре, это же сказка... Из головы уха будет... И картошечка, картошечка, да с жареным сомом...» Пацанята спорили, есть ли у этой рыбины зубы и как она дяде Ване руку не откусила. Самые сведущие смеялись: «Нет у сома зубов!»

Маринка сидела на лавочке у забора и улыбалась.

Вышел из дому Иван.

– Всё, народ, расходись. Марине работать надо, а мы с Пантелеичем отдыхать идём – завтра утречком на рыбалку.

Про рыбалку это он так, для виду пошутил – не поедет больше с дедом на озеро, уж больно громко тот храпит. Впрочем, зря он так. Почему и не поехать, можно ватку с собой взять, на ночь в уши затолкать. А что комары, тоже решить вопрос просто – пшикалку от комаров с собой, и всё.

Иван повеселел, замурлыкал весёлый мотивчик – и в дом, надо помочь Маринке разделявать рыбу.



НИКОЛАЙ НИЗИЕНКО

Из рубрики «Маленькие истории артиста Большого театра»

Сварщик

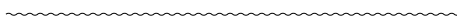
И каких только чудаков не бывает на белом свете! В то ненастное осеннее утро я стоял на остановке. Трамвая долго не было, и я, скучая, тарасил глаза на обильно развешанные вокруг рекламы. Голос застал меня врасплох:

– Ну что, смотришь и, небось, восторгаешься этой красотой? – голос противно захихикал. – Да только всё это брехня, пропаганда! Грабют они нас через это, проклятые америкашки. Товары ихние – гнилые, а продукты, все до единого, – синтетика, ничего натурального. Мне «Бушевские ножки» хоть бесплатно в рот клади – не возьму! Ты мне нашу курочку Рябу подай, так она целиком проскочит, зараз и без выпивки!

Человек был долговязый, с лысеющей яйцевидной головой. Ехидная улыбка обнажала длинные жёлтые зубы. Я открыл рот, успел что-то невнятно промычать, но был тут же остановлен.

– Молчи, несчастный! Они, – он кивнул в сторону плаката, призывающего голосовать за толстую рожу с заплывшими глазками, – продали всё, и нас тоже продали!

И он подозрительно и внимательно осмотрел меня с головы до ног. Я съёжился и теснее прижал к себе сумку с нотами. Но лицо му-



Низиенко Николай Филиппович – солист оперы Государственного Академического Большого театра России (бас), заслуженный артист РСФСР, учёное звание – доцент; член Союза писателей России, член Союза театральных деятелей РФ.

жика вдруг сделалось добрее. Он неожиданно звонко прищёлкнул пальцами у моего носа, ткнул больно в грудь указательным пальцем и торжественно произнёс:

– Сварщик?! Вижу, вижу, наш человек! Не бойсь! – Оценивающе ещё раз оглядел меня и, уже совсем по-свойски, сообщил: – Шестой разряд!

Я зачем-то кивнул головой, хотя собирался возразить...

– Молчи, молчи. Я вижу тебя насквозь, – и, вцепившись в борта куртки, притянул моё лицо вплотную к себе. – Да только ты не поддавайся, – шипел голос, – мы сами, сами построим общество. Ого-го какое! Догоним и перегоним их, не сомлевайся! А это – мой сын! – отступил он на полшага. Из-за спины показался огромный детина с лицом дебила. – Да-да, ты прав, он – кретин, – торжественно грохотал отец. – От рождения кретин. А всё они виноваты! – злобно посмотрел он на плакат с белозубой девицей, предлагающей жевать какой-то очередной «орбит». – Дешёвый он был, спирт ихний поганый! Я и жрал его без меры и в таком виде зачал сыночка. Мария моя родила и сразу же отдала Богу душу. А я вот – вынужден... – и, ища сочувствия, испытующе посмотрел на меня. Я опять открыл рот, но человек негодуяюще заорал, не давая вымолвить ни слова: – Никогда, никогда я не сделаю этого! Я не брошу его, слышишь? Это крест мой! Что бы я сдал его? Никогда! Тут давеча советовал мне один академик в белом халате, – и, передразнивая кого-то, пропищал гнусным голоском: – Сдайте вашего ребёнка в дурдом, ему там пайку хорошую дадут и приоденут как человека. Да я этого докторишку чуть не разорвал вот этими руками! – и он сунул мне под нос свои мозолистые волосатые руки. – Три санитаря еле оттащили меня от этого подонка! – и, немного успокоившись, продолжал. – Так вот и живём. Учиться не может, работать рано, да и возьмут ли куда?.. А ест – ого-го, за десятерых! – он с любовью ткнул сына кулаком по плечу. – Силища в нём – ты не поверишь! Шкаф огромный вчера один передвигал! А там и трое мужиков не справились бы. Я его раньше-то, по дурости, кормил как? Картошки отварю, да с мясом или сардельками. Он и слопает кастрюльку за милую душу. Да только стал я замечать такое. Зайдёшь, бывало, утром к нему в комнату – не спит, глаза в потолок, а руки под одеялом. Нервный стал, похудел страшно. Измучился я совсем! Стал ему овощи давать. Нарублю тазик огурцов, помидор, капустки, морковки, маслицем растительным приправлю, он у меня всё это зараз и стрескает. А мяса – ни-ни! Вроде

полегче стало, но всё равно нервничает. Тут я и призадумался, чем же бедняге помочь? Добровольно баба к нему не пойдёт. А за деньги? Денег у меня таких нет. И вдруг меня осенило! Как-то видел я по телеку такую штуку... Сейчас там всё показывают... И больно хвалили её... Нашёл, значит, магазин, где эти штуки да ещё много всякого безобразия продают, тьфу ты, Господи, чтоб им в дышло!.. Глянул на цены – ахнул! Да у меня таких деньжищ отродясь не было. Плюнул и ушёл. В кочегарке, где я работаю, сменщик Васька в курсе моих бед был. Паренёк сметливый. Он-то меня и надоумил. Ты, говорит, Михалыч, сходи в ихнее посольство.

Расскажи, так, мол, и так, по их вине дитя такое уродилось, а потому – помогайте, а иначе – судиться с вами буду. Ну, это, конечно, скажи так, для острастки. Послушал я и потопал на Новинский бульвар. О-хо-хо-хо-хо! Не буду рассказывать, чего мне это стоило, сколько времени пороги обивал, как гнали меня отовсюду... А потом – привыкли, узнавать стали, здороваться... А один плюгавенький дипломатишко выслушал, чегой-то записал в папочку и велел завтра прийти в назначенный час. Без всякой надежды пришёл и жду. Выходит наконец из ворот с огромной коробкой, суёт в руки и говорит: «Пользуй, да только инструкцию почитай, мы её на русский язык специально перевели». Припёр я, значит, коробку домой, раскрыл, а там – баба резиновая! Её, это, надуть нужно, к ней и насосик такой маленький прилагался. Я, конечно, надул. Гляжу и глаз оторвать не могу! Красивая!.. Ротик такой красненький, раскрыт, вроде она мне улыбается... И так она мне понравилась, что я задрожал весь и сам на неё кинулся... Ах, хороша оказалась баба!.. Всё, что хошь с ней делай – не сопротивляется. А главное, молчаливая, не люблю, когда они верещат, да ещё в самый неподходящий момент! Испытал я её, по инструкции промыл и высушил. Назавтра у сына день рождения был. Он чуть глаза утром открыл, я ему её и бросил в койку. Что тут было – не опишешь!.. Радости-то сколько! Парня как подменили! Спокойный такой стал, да и жрёт поменьше. С подругой не расстаётся. Зиной назвал. Ухаживает за ней, содержит в полном порядке и чистоте. Ну да ладно, хорошо мы с тобой поговорили, поспорили. Ты не обижайся. Во, трамвай мой подошёл! – и он, толкая сына в спину, зашпешил в вагон. Остановился на миг, повернулся и прокричал в открытую дверь: – Сварщик, я сразу догадался! Шестой разряд! Не верь, не верь им! – ткнул он в сторону плаката, уговаривающего голосовать за заплывшую жиром рожу.



ВАСИЛИЙ ПОЛЯКОВ

Друзья, давайте за столом поговорим о том о сём...

Продолжение

№9. Уважаемый тамада! Раз уж заговорили о женщинах, позвольте и мне не оказаться на обочине этой темы – тем более, что сюжеты жизнь подкидывает самым неожиданным образом.

Возвращаясь я как-то с работы, заглядываю в почтовый ящик по необъяснимо сохранившейся привычке, хотя сейчас никто газет не выписывает и писем друзьям не пишет, и нахожу в нём еженедельную городскую газету покупателя «Экстра». На первой же странице напечатан эффектный портрет знаменитой телеведущей Тины Канделаки с обнажёнными руками и открытым правым надплечьем. Смотрит она на читателя этак свысока, а слева от её фотографии чёткая надпись: «В силу профессии одежду мне приносят прямо на работу». Далее красным цветом напечатано: «с. 4». Интересно, думаю, дай-ка почитаю.

И вот о чём поведала телеведущая:

«Я много занимаюсь спортом, причём не только модным нынче фитнесом, но и восточными единоборствами, в первую очередь тхэквондо. Это боевое искусство весьма привлекательно. Скажем, иногда хочется дать кому-то за дело в морду, но ты этого не делаешь,

Поляков Василий Евгеньевич — доктор медицинских наук, профессор, член Союза писателей России.

поскольку считаешь себя выше и мудрее очередного стоящего перед тобой наглеца. В то же время прекрасно понимаешь, что в случае необходимости спокойно можешь осуществить задуманное. Такая уверенность в себе порой доставляет неслыханное удовольствие. При этом, занимаясь тхэквондо, не гонюсь за какими-то регалиями или цветными поясами: всё же я отношусь к той категории женщин, которые больше предпочитают пояса снимать, нежели надевать».

Комментируя сказанное знаменитой телеведущей, поднимаю бокал за благородных мужчин, умеющих носить пояса с большим достоинством, и за восхитительных женщин, которые предпочитают делать то же, что и Тина.

Думаю, что при таком подходе к делу мы успешно осуществим все самые главные государственные программы!

№ 10. Дорогая Ирина! Вот и до меня дошла очередь. Тамада, спасибо за предоставленное право высказаться.

Дорогие друзья, и от своего имени, и от имени тех, кто захочет присоединиться к моим поздравлениям и пожеланиям, я от всей души хочу поздравить Иру с успешным завершением двенадцатой пятилетки. Про достижения и успехи Ирочки говорили многие, причём каждый из выступавших очень искренне и тонко сумел не только похвалить Иру за сделанное, но и показал, как наша тонкая и глубокая подруга в своё время поддержала и помогла лично тому, кто сейчас об этом вспоминает. Когда человек умеет помочь вовремя и адресно, да ещё в судьбоносную минуту твоей жизни, это не забывается, это остаётся в сердце на всю жизнь.

А вот мне сейчас хочется объяснить себе и другим, почему Ира такая и что нас сблизило и сделало друзьями ещё в далёкие годы отрочества.

Я воспользуюсь для этого воспоминаниями знаменитого художника-мультипликатора, или, как говорят теперь, художника-анималиста Гарри Яковлевича Бардина, который, хотя и младше нас на три года, но в своих воспоминаниях сумел выразить нечто характерное для всей нашей эпохи и для людей, причастных к ней.

«Я не рассказывал, – пишет он, – как мне преподали урок гуманизма? Мне было семь лет, и я учил стихотворение ко дню рождения Ленина. Длинное, нудное, плохо запоминающееся. Я очень волновался. Пионервожатая поставила меня в кулисе, носом в темноту, и сказала,

чтобы я зубрил, а она меня вызовет. Я зубрил. Сколько времени прошло, не знал. В какой-то момент стало тихо. Я повернулся – темно. Естественно, я заплакал. Никого, огромный зал и мрак. И раздался голос старушки-технички:

- Кто там?
- Это я.
- Ты что здесь делаешь?
- Я должен стихи читать.
- Какие стихи? Концерт-то кончился.

Все ушли и про меня забыли. Я заревел в три ручья. И тогда эта простая женщина совершила невероятный поступок. Она включила на сцене свет, села в первый ряд и сказала: читай. И я ей прочитал от начала и до конца всё это хреновое стихотворение, она мне поаплодировала, после чего погасила свет, потрепала по волосам, и я схватил пальтишко и побежал домой. Я летел на крыльях, которые мне подарила эта интеллигентнейшая женщина. Я этого никогда не забуду. Вот что нас формирует, такие вещи».

Этот рассказик Бардина я вспомнил не случайно. Нашему поколению повезло на встречи с такими вот интеллигентнейшими людьми, и у многих из нас это было связано со сценой, театром, софитами, аплодисментами благодарных зрителей. Не случайно потом нас познакомил и сдружил Актив при Центральном детском театре (который в настоящее время носит название Российский академический молодёжный театр). И хотя мы не стали артистами, не пошли в искусство, театр остался для нас тем волшебным домом, в котором отдают себя без остатка, чтобы нести высокую правду людям, и делают это изысканно, интеллигентно, красиво.

Ирина принадлежит именно к такой плеяде людей, поэтому встречаться и общаться с ней большое удовольствие.

Теперь самое время высказать Ире юбилейные пожелания. Для этого позвольте вспомнить анекдот.

Собрались англичанин, француз и еврей и рассуждают, какие кому нравятся женщины.

Англичанин говорит, что ему нравятся юные создания, не старше двадцати лет. При этом он с восторгом вспоминает, какое это удовольствие видеть одновременно смущение английской девушки и её робкую радость, что именно она привлекла внимание мужчины, её просыпающееся женское кокетство и полное неумение защищаться.

– О, – говорит англичанин, – ни одна из таких девушек даже не догадывается, что она побеждает, когда она сдаётся!

– А мне, – говорит француз, – нравятся французенки, причём более опытные, после тридцати. Едва уловив ваше внимание к ней, французенка этого возраста мгновенно воспламеняется, но, не выдав себя, так умело подстроит ситуацию, чтобы остаться с мужчиной с глазу на глаз, а потом преподнести себя так красиво и артистично, что даже самый несмелый мужчина отважится ринуться в атаку и неизбежно попадёт в капкан её легкомысленно капризной страсти.

А еврей говорит мечтательно:

– Друзья! А как же мне нравятся еврейки от шестидесяти и старше!..

– Почему? – восклицают одновременно крайне удивлённые англичанин и француз.

– Потому, – наставительно говорит еврей, – что еврейка за шестьдесят думает, что это в последний раз, и такое вытворяет...

Так вот, дорогая Ира, будь здоровой, красивой, счастливой, богатой, дорожи каждым последующим днём своей жизни и вытворяй такое, чтобы жизнь до конца дней была счастливой и радостной!

№ 11. Глубокоуважаемый тамада! Дорогие дамы! Спасибо, что дали слово. Сегодня, конечно, особый день – Международный женский день 8 марта. Позвольте и мне присоединить свой голос ко всем предшествующим искренним, остроумным и замечательным поздравлениям, которые уже прозвучали. Мне тоже хочется быть очень искренним в такой замечательный день. Только пусть вас не смущает первоначальная фраза, с которой начнётся моё выступление.

В некотором царстве, в некотором государстве в один день закончился земной жизненный путь двух женщин. И стали они размышлять, куда же им следовать дальше. Дошли по дороге до тройственного указателя. Один из них указывает дальнейшее движение в АД. Другой обозначает, как следовать в ЧИСТИЛИЩЕ. И лишь третий указатель манит и притягивает мечтой любой нормальной женщины – РАЙ.

Конечно, женщины выбрали направление согласно третьему указателю. Долго ли, коротко ли двигались женщины, сказать не берусь, потому что не знаю. И вот они уже стоят перед воротами рая.

Врата закрыты, и женщины не знают, как попасть в рай. Сверху выглядывает дежурный ангел:

– А вы по стене.

– Стена ровная и гладкая, как быть?

– А вы скажите, чтобы стена покрылась сучками, и пусть их будет столько, сколько раз в земной жизни вы грешили.

Женщины так и сделали. У одной стена сразу покрылась множеством довольно твёрдых сучков, и она с усилием, но всё-таки вскарабкалась и перемахнула. А у другой выросли сучки в виде тоненьких и гнущихся прутиков... Конечно, эта женщина так и не смогла перелезть через стену.

Так выпьем же за то, чтобы наши женщины ещё при жизни прокладывали себе дорогу в рай!



ОЛЬГА ШЕВЧУК

В вечерней электричке

Алиса ехала в вечерней электричке – возвращалась в Москву, чтобы утром выйти на работу, которую нашла в прошлом году. Не по специальности, конечно, а лишь бы спастись от безденежья – тех, кому далеко за сорок, в хороших местах не ждут. В Москве она снимала квартиру вместе со взрослыми детьми, которые тоже зарабатывали себе на прокорм. Часть денег она отвозила мужу, который остался Тверской области, в собственном доме-развалюхе, и как мог его поддерживал, чтобы дом не рухнул совсем. Часто ездить к мужу было накладно, да и утомительно, поскольку с пересадками. Иногда она вырывалась к нему раз в месяц, иногда – два раза. Устала и от поездок, и от долгих ожиданий электричек, и от постоянной толкучки в вагоне.

В окне мелькали платформы станций и бесконечно длинный высокий забор, заслонивший обзор местности. Раньше, до этого за-



Шевчук Ольга Викторовна. Работала в издательстве, журналах, училась в аспирантуре (Литературный институт им. А.М. Горького, кафедра русского языка и стилистики). Автор более двух десятков книг (прозы, поэзии). Лауреат ряда литературных конкурсов, в том числе международных. Стихи О. Шевчук переведены на английский, болгарский, польский, узбекский и другие языки. Член Союза писателей России, член-корреспондент Академии поэзии. Живёт в Москве.

бора, приятно радовали глаз растущие как грибы дачные посёлки, живописные лесочки, где богатырского вида ели соседствовали с юными стройными берёзками – девчонки рядом с накаченными охранниками. Теперь зелёная полоса забора лишила приятного созерцания окрестностей. Она тянулась так долго и навязчиво-безысходно, что утомлённая Алиса незаметно уснула.

Сквозь сон она чувствовала, как возле неё меняются пассажиры – одни усаживались на скамью осторожно, стараясь не задеть соседей, другие плюхались всем весом, отдавливая ей левое бедро – Алиса сидела возле окна. Последняя соседка оказалась столь увесистой, что мигом притиснула Алису к самому окошку. И Алиса вскоре проснулась, но не оттого, что её потревожила очередная пассажирка, а от ноющей боли в правом боку – как раз там, куда попадала струя холодного воздуха, дующего то ли от окна, то ли из-под обшивки вагона, и этот порыв ветерка особенно остро ощущался, когда поезд набирал ход.

У Алисы была с собой сумка, похожая на тощий портфель, ещё не заполненный учебниками и тетрадями. Эта сумка вполне могла помочь. Алиса живо поставила её к окну, тем самым закрывшись от резкого и холодного потока воздуха, и сразу же почувствовала облегчение. Наглый поток ледяного воздуха уже не беспокоил её, и боль в боку стала потихоньку затихать.

Несколько лет назад Алисе сделали операцию, подшив почку, после чего почка стала очень чувствительна к холоду и ветру, а там, где Алиса работала теперь, сквозняки и постоянно открытые на улицу двери были обычным явлением, что, конечно же, заметно ухудшило проблему. Не нравился почке этот холодок! Ой, как не нравится! И она слёзно сигналила хозяйке о своей беде, предупреждала, просила!

Прикрыв больное место плотнее курткой, Алиса попыталась снова задремать.

И тут в вагоне появились двое – семейная пара лет шестидесяти: мужчина необъятных размеров и миниатюрная женщина. Эти люди не выглядели ни больными, ни измученными. Они заняли свободные крайние места: мужчина на той же скамье, где сидела Алиса и её крупная соседка, а его спутнице приглянулось местечко напротив – там, где сидели две хрупкие старушонки. Не успев передохнуть, она тут же скомандовала фельдфебельским голосом Алисе:

– Ну-ка, снимите сумку с сиденья! А ваша соседка пусть подвинется! Моему мужу неудобно сидеть!

Если бы не было приказного тона, а прозвучала обыкновенная человеческая просьба, возможно, Алиса и проявила бы жест великодушия. Но бьющие в голову слова, выплеснутые с раздражением и ненавистью, задели Алису. Выходит, эти люди хотят, чтобы им было хорошо, а что плохо и неудобно будет ей, их это нисколько не волнует?! У него просто кусок заднего места слегка свисает со скамьи, а у неё, при таком раскладе, снова разболится почка! Да и что может дать тощая сумка, если её убрать? Для такой туши ровным счётом ничего, а для неё, если открыть доступ ветерка к почке – это может закончиться катастрофой.

Алиса посмотрела оценивающе на сиденье напротив, перевела взгляд на свои бёдра и явственно увидела, что вместе с сумкой занимает менее одной трети положенного каждому пассажиру места.

– Женщина, вы что, не слышите? – не унималась Фельдфебельша.

– Я и так занимаю мало площади, – ответила Алиса и отвернулась к окну. Не объяснять же чужим людям про свою больную почку и поток воздуха, на который эта почка бурно реагирует!

– А я говорю, уберите сумку! – наседала женщина, словно не видя и не понимая, что сама сидит вольготно, и если бы поменялась местами с мужем, то и ему было бы комфортно, и ей совсем не тесно.

– Мне так удобнее сидеть, – вынуждена была сказать Алиса. И в самом деле – теплее, и можно рукой опереться на сумку, как на подлокотник.

– Ей удобнее! – едва не задохнулась от возмущения Фельдфебельша.

– Ладно, Маша, не связывайся, – остановил её мужчина. – Не видишь, что ли? Это же шариковы...

В первое мгновение, наливаясь краской гнева, Алисе хотелось крикнуть в ответ:

– А вы что, считаете себя профессором Преображенским? Не обольщайтесь! Такие, как вы, скорее принадлежат к когорте булгаковских швондеров, которые считают, что весь мир им чего-то должен и обязан отдать своё! – но она сдержалась. Не уподобляться же им, не доходить же до оскорблений!

Алиса чувствовала свою правоту, чувствовала всей душой, и не собиралась сдаваться!

С какой это стати она должна делать хуже себе, когда при желании эта парочка могла бы просто поменяться местами и тем самым решить свою проблему, не доставляя неудобства другим пассажирам? Но ведь такое им и в голову не пришло!

До самой Москвы досада и обида не покидали Алису. Она знала, что если бы уступила, пренебрегла своими интересами для блага других (вовсе не ближних!), ей было бы ещё хуже, и не только потому, что боль бы вернулась, но ещё и потому, что такие вот «моралисты» одержали бы очередную победу, к которым давно привыкли, действуя нагло и вызывающе.

Но вот незадача! Чем ближе была Москва, тем больше к прежним чувствам Алисы примешивалось нарастающее чувство вины. Оно раздражало её, пугало, мучило – но избавиться от него было невозможно. И она уже раскаивалась в своём упорстве, и уже готова была убрать злополучную сумку и подвинуться на эти пять-шесть сантиметров к окну. Ведь и Бог терпел, да и нам велел...

Но когда она потянула сумку к своим коленям, супружеская пара неожиданно поднялась с места и двинулась к выходу из вагона. И теперь что бы Алиса не предприняла, всё становилось бесполезным.

А чувство вины так и осталось! И что оно являло – слабость характера, неустойчивость мировоззрения или осевшие глубоко в подсознании заветы милосердия, вплоть до самоотречения – Алиса не знала.

Кошачья колдунья

Кошка была ну просто чудо! С длинными лапами, статная, с красивой мордочкой и шёрсткой. Глаза яркие, зелёные. Ушки торчком. А какая ласковая!..

Эльвира Ивановна и не собиралась заводить себе кошек, но серо-белая красавица её очаровала! Подошла тихонечко, когда та пропалывала грядку, и остановилась рядышком. Понаблюдала за её работой, а когда Эльвира Ивановна пошла к кустам крыжовника, пристроилась к ней и ну выделявать кренделя-восьмёрки, как бы опутывая невидимыми лентами. Она сновала между туфлями хозяйки, нежно задевая шёрсткой её ноги, и той казалось, что по коже

скользит гладкий атлас. Это было так неожиданно и так приятно, что Эльвира Ивановна в момент растаяла. Разглядела её повнимательнее – поджарая, стройная. ещё очень юная. А кошка не унимается, всё крутится и крутится возле её ног, словно колдует. Эльвира Ивановна и сама не заметила, как уже сбегала в дом и вынесла ей молока на блюдечке. Кошка благодарно мяукнула и принялась за угощение.

– Ласка ты моя, Ласка, – умилилась хозяйка, поглаживая свою гостью по гибкой спинке.

Так и осталась кошка жить у Эльвиры Ивановны. Но в комнату к хозяйке не ломилась, а устроилась себе в сенцах. Внизу дощатой калитки была прорезь, сделанная ещё предыдущим хозяином дома, у которого водились кошки. И Ласка могла свободно выбегать на улицу, когда ей этого хотелось.

С появлением кошки жизнь Эльвиры Ивановны резко изменилась. Прежде она любила по утрам поспать, поскольку ложилась поздно, будучи «совой» по своим внутренним часам. Теперь же она вставала чуть свет и бежала на рынок за свежим молоком, стоило только Ласке подать под дверью тоненький жалобный голосок:

– Мя-а-а-у!

Для себя бы не пошла, и голову бы не подумала поднять с подушки, а тут Эльвиру Ивановну мгновенно сдувало с постели, как тополиный пух. И бежала она за молоком в любую погоду, хоть в дождь, хоть в снег. Как же – Ласка просит!

В заботах о кошке дни потекли быстрее. Но под конец зимы стало происходить что-то странное: положит Эльвира Ивановна кошке куриную печёнку на блюдечко или кусочек рыбы, не успеет отойти – а миска уже пустая! «Надо же, какая голодная!» – всплеснёт хозяйка руками. А Ласка рядом ходит, заводит своё нудное мяуканье, и голос требовательный, обиженный, будто и не ела вовсе. И смотрит такими глазами, что кажется, прямо в душу заглядывает. И снова бежит хозяйка к холодильнику или к плите, чтобы накормить любимицу. А той всё мало!

И стал Эльвиру Ивановну настораживать этот требовательный тон. Раньше кошка была ласковой и, если так можно выразиться, скромной. Теперь же вела себя так, будто она полноправная хозяйка, а Эльвира Ивановна у неё на побегушках. Значит, поначалу подлизывалась?

И ещё важный момент. Выходит как-то Эльвира Ивановна среди ночи, в неположенный час, в сени. Только дверь открыла – а оттуда как выскочит соседский кот, чёрный, страшнющий. И с воплем наутёк! В щель под дверью пролез и был таков. Испугал хозяйку чуть ли не до смерти. Ну и ну! А потом она стала слышать, как по ночам в её сенях собираются коты со всей округи на свои кошачьи посиделки. Слишком сильно не шумят, ведут себя пока пристойно, но скоро весна, что будет...

Тем временем Ласка с каждым днём все больше и больше еды себе требует. И вот решила Эльвира Ивановна понаблюдать, как кошка ест. В последнее время с миски всё так быстро исчезало, что это было подозрительно. Положила она ей в миску хвостики минтая, подсыпала каши на маслице. Сходила в дом за блюдечком с молоком, вернулась в сени, глядь – а миски нет! Куда делась?! Ведь только что стояла здесь!

– Где твоя еда? – спросила Эльвира Ивановна у кошки и строго на неё посмотрела. Та занервничала.

И принялась женщина искать миску по сеням. Ходит, под каждую тряпку заглядывает. И кошка за ней ходит. Голос не подает, лишь урчит настороженно, и шаги у неё напряжённые. Заглянула Эльвира Ивановна под шкафчик – и всё поняла.

– Так вот оно что! Ты, оказывается, еду прячешь! – возмутилась хозяйка. – Котов со всей округи кормишь! То-то они сюда бегать повадились!

Выставила миску ей под нос и приказала:

– Ешь сейчас же!

Послушалась кошка, но ела без аппетита, всем своим видом показывая, что ей такое не по нраву. Но кормить всю кошачью беспризорную свору Эльвира Ивановна тоже была не в состоянии. Сама без молока и без рыбы порой оставалась, всё для Ласки старалась... И ещё Эльвире Ивановне больно уж не нравился соседский чёрный кот – косматый, грязный. Страшилище, да и только! Ласка у неё красавица, любо-дорого поглядеть на неё, а этот – замухрышка. Будто из кочегарки вылез!

Наступила весна, снег сполз с грядок, солнышко стало пригревать. Как ни выйдет Эльвира Ивановна в огород – всё на соседского кота наткнётся. И вот ведь хитрюга! Спрячется где-нибудь за кочкой или кустом и потихоньку выглядывает. Ласку караулит!

– Охламон несчастный! – сердилась Эльвира Ивановна, в очередной раз застукав непрошеного ухажера. – И что ты в нём нашла?! – выговаривала она своей красавице.

А время идёт, не за горами и кошачьи свадьбы.

Вышла однажды Эльвира Ивановна во двор, хотела пройти к поленнице дров, да так и замерла на месте, поражённая картиной, которую нечаянно увидела. Лежит себе Ласка на уже согревшейся травке, сладко потягивается, показывая белое брюшко. А напротив неё, примерно в шаге, припал к земле соседский кот. Сидит и глаз с неё не сводит. А на морде – такая мука!

А кошка перед ним и так и этак, то одним боком повернётся, то другим. Шёрстка на солнце блестит серебром, хвост завлекательно поигрывает, и позы у этой соблазнительницы – не хуже, чем в журнале «Плейбой»! Эльвира Ивановна так оторопела, что не осмелилась разогнать эту парочку. Жалко ей стало чёрного кота, когда увидела на его физиономии и мольбу, и восхищение, и страсть, и покорность, и упрёк. Кто бы мог подумать! У кота, да ещё замухрышки, и вдруг – такие трогательные чувства! Чуть ли не человеческие эмоции!

В тот момент – непостижимо, но факт! – в его морде чётко проявилось лицо... И что ещё более удивительно, выражение этого кошачьего лица было точно такое же, как когда-то у мужа Эльвиры Ивановны, перед их разводом... У неё даже ноги подкосились. Было такое впечатление, что душа её мужа, давно уже покойного, нашла себе приют в этом соседском коте... Что за наваждение!

А кошачья игра продолжалась. Ласка явно вошла во вкус, показывая свою власть над молчаливым воздыхателем. Насмехалась, дразнила, соблазняла, задевала за живое – а он страдал, не смея к ней приблизиться, и только восторгался ею, жалкий и робкий. Она была королевой, а он – рабом. Околдовала, заставила мучиться и наслаждалась своей силой.

«Вот чертовка!» – подивилась хозяйка.

А потом Ласка внезапно исчезла. Еда в блюдце оставалась нетронутой, молоко прокисло. Кошка не появлялась. Эльвира Ивановна уже стала забывать про неё, как вдруг однажды случайно её увидела, когда пошла в магазин. Собиралась перейти улицу, неся в руках пустые авоськи. И надо же! Навстречу ей – Ласка, да не одна, а

с совершенно незнакомым котом – весьма представительным. Она заметно выросла, стала пушистее и красивее.

А как вышагивала! Гордо, с чувством собственного достоинства и превосходства. Кот шёл чуть позади неё, не отставая, а уступая дорогу. Уважал свою даму! Но на его сытой морде не было той острой гаммы чувств, которая пробежала по лицу соседского чёрного кота в то памятное весеннее утро, когда Эльвира Ивановна застучала их с Лаской на огороде...

Эльвира Ивановна встретилась глазами с вертихвосткой – и удивительно! – Ласка застеснялась, в её мордочке проглянуло чувство вины. Кошка даже приостановилась и словно ждала приговора.

– Ну что? Гуляешь? – осуждающе бросила ей бывшая хозяйка. – А где же твой замухрышка? А?

Ласка опустила голову и побрела себе дальше с новым избранником.

«Совсем как у людей», – подумала Эльвира Ивановна. И ей вдруг снова вспомнилось выражение лица бывшего мужа, полное печали, боли, затаённой мольбы... отчаяния...

И сделалась стыдно и невыносимо горько: «Господи, как же он меня любил... Как, оказывается, любил!...»

О курах, утятах и черепахе

Раиса Семёновна решила завести кур. Пристала к зятю: купи да купи, хочу, чтобы в доме свои куриные яйца были. Ну, как откажешь теще? Тем более, что она дом стережёт. А дом Николай ещё не достроил, только первый этаж да хозяйственные постройки успел поставить, и занимали они четвёртую часть земельного участка, который он приобрёл в деревне для своей семьи.

Сюда Николай ездил по мере необходимости, а сам жил с женой и детьми в Москве, зарабатывал деньги на строительство. Как наберёт нужную сумму денег, так и нанимает работников, чтобы они трудились, не покладая рук. А теща за ними наблюдала, дабы не ленились и не приворовывали закупленные зятем стройматериалы. А надо сказать, была она женщиной крупной, сильной, бывшей спор-

тсменкой, – когда-то ядра на соревнованиях толкала! Словом, дом оставить на её попечение зять не боялся.

Насчёт кур Николай не возражал, но с покупкой всё же не спешил. И тут к просьбе бабушки подключилась ребятня – дочка да сынок.

– Курочек хотим! И уток тоже! – начали дружно дребезжать летом, когда приехали в деревню на каникулы.

Деткам отказать Николай тем более не мог.

Поехал он на Птичий рынок, что на Верхних Полях в Котельниках. Купил пустые банановые коробки. В трёх из них разместил курочек – по пять в каждой. А в четвёртой – семерых утят.

– Уточкам нужна вода, чтобы пищу размягчать, – наставляла Николая продавщица – худенькая бабка в просторной полушерстяной кофте, клетчатой юбке и беленьком платочке. – Иначе они подавятся кормом.

– Разберёмся, – кивнул Николай и повёз птичью ораву в деревню.

Он уже заранее отгородил участок для кур, чтобы им было, где гулять на свежем воздухе, подготовил сарай. А курочки были славные – белые, как извёстка, пёрышки пушистые. Выстроились в ряд – как балерины-лебедята в балете «Лебединое озеро»! Любо-дорого смотреть на них! Тёща не нарадуется!

А Николай уже утятами занялся: налил в медный таз воды для них, да не поскупился – чтобы надолго хватило пить. Утята окружили таз, шейки свои тянут к воде, глотают её... А сами махонькие, пушистенькие, у них ещё и пёрышек крепких нет. Им всего-то недельки две! Но бегать уже научились, бегают вразвалочку, припадая то на одну лапку, то на другую, и так это у них забавно получается, что невольно рассмеёшься. Все бледно-жёлтые, как осиновые листья ранней осенью, и только у одного на лбу и возле хвоста пушок коричневого цвета. Будто ладошку кто-то приложил дважды. Этот утёнок и размерами был чуть крупнее остальных.

Поиграли дети с утятами – наскучило. Пошли смотреть, как куры по выделенному им участку двора гуляют, землю когтями роют – червей ищут. Постояли, посмотрели – ничего особенного, куры как куры... Тут дочка Николая, Лидочка, решила к утятам вернуться.

Пойти-то к ним пошла, но через некоторое время вдруг кричит:

– Папа! Папа! Один утёнок не двигается!

Пошёл Николай к дочке, глянул – а утёнок на дне таза лежит, утопленник.

– Это ты его туда толкнула? – спрашивает строго.

– Нет! – испугалась Лидочка и стала теревить подол своего платья в горошек. – Это он... Это он сам! Плавать учился!

– Плавать, говоришь? – нахмурился отец. – Они же ещё маленькие, чтобы плавать! Им сначала подрасти нужно!

– Ну я... я же не знала... – Лидочка расплакалась, слёзки грязными ладошками вытирает, оставляя серые разводы на пухлых щёчках.

Всей семьёй пришлось утешать ребёнка.

Раиса Семёновна и жена Николая сразу же его в несчастье обвинили:

– Ты зачем столько воды утятам налил? Если бы воды было меньше, он бы не захлебнулся!

– А мало налил бы – как бы они до воды дотянулись? Шейки-то ещё короткие! – огрызнулся Николай.

– Надо было не таз брать, а чашку поменьше...

В общем, отдали утопленника собаке.

Но и остальные утята как-то не прижились на новом месте. Одного вскоре нашлидохлым – соседский кот загрыз. Другого сокол заклевал. Третьего собака придушила. Четвёртый вообще исчез бесследно – то ли ласка утатила, то ли забежавшая во двор лисица – потом нашли подрытый под забором лаз. Пятый утёнок заболел и через месяц помер. Остался один – тот, что был крупнее всех. Позже выяснили, что это юная уточка.

Тем временем Раиса Семёновна основательно и добросовестно занималась курами. Каждый день она ходила в поле за свежей крапивой – накосит её, набьёт полный мешок и несёт домой. Дома порубит её, измельчит и сварит в огромной кастрюле. Добавит туда каши, остатки растительной еды, что не доела сама, толчёную яичную скорлупу и кормит этой смесью кур. А они никак не насытятся – едят и едят целый день. Полные кормушки им насыплет – склюют всё до крошки и снова голодные ходят.

Окрепли от хорошей еды и свежего воздуха, подросли. И повадились через забор перелетать! А вокруг своего участка Николай поставил не какой-нибудь штакетник, а двухметровый забор. Перелетали! Цепляются когтями за доски, крыльями машут – фыр-р-р – и

готово! Убегать-то убегали на волю вольную, да назад уже не возвращались. Потом Николай нет-нет, да и находил кучку белых куриных перьев неподалёку от своего забора. Далеко убежать несушкам хищники не давали...

Когда начались первые заморозки, Николай приехал в деревню, утеплил стены сарая, настелил соломы и старых одеял поверх неё, смастерил насесты в два ряда. Казалось бы, что ещё курам нужно? И вдруг ночью ударил такой мороз – аж за тридцать градусов! Вышел Николай утром во двор, пошёл в сарай посмотреть, как там куры поживают. И обомлел: всё вокруг в инее! Сидят несушки на насесте, не трогаясь с места. Крылышки сложены, головы опущены. Заледнели!..

Куда их теперь? Только в суп...

Но уточка, как ни странно, выжила. Раиса Семёновна забрала её к себе в квартиру, что находилась в Кимрах.

– Буду хоть с ней разговаривать, – пояснила зятю. – Всё веселее, всё вроде бы не одна. А то скучно!

Отвёз тещу Николай в Кимры, и поселилась уточка в городской квартире. На постель хозяйки взлетает, под одеяло забирается, по столу бегаёт. И везде свой помёт оставляет. А теща ничего – даже как будто и не замечает этого. Вот только морозы всё крепчают, никакие одеяла уже не греют, батареи чуть тёплые, на окошках наледь, да не со стороны улицы, а в самой квартире!

Позвонила Раиса Семёновна зятю.

– Купи нам обогреватель, – просит. – Вконец замерзаем.

– Кому это – вам? – насторожился зять.

– Мне и уточке!

Привёз он теще электрический конвектор. Но сильные холода вынудили многих людей броситься в магазины, и обогреватели вдруг превратились в дефицитный товар. Лучших моделей уже в продаже не было, остались самые примитивные, старого типа, с открытыми пружинами, как когда-то делали электрические плитки. Пружины накаляются и краснеют, тепло, конечно, выделяют, но ещё больше создают опасность внезапного пожара.

Буквально в ту же ночь Раиса Семёновна проснулась от резкого запаха палёных перьев и заполошного кряканья носящейся по комнате утки. Соскочив с постели, она увидела, что задняя часть утки почернела, прихваченная огнём. Искры тлеют, от бега вспыхивают

ярко. К счастью, полы в квартире были линолеумные, а не деревянные, и утка не прыгнула ни на стол с льняной скатертью, ни на стульях с мягкими сиденьями, ни на постель. Скорее всего, просто не успела.

Раиса Семёновна набросила на неё половик, схватила в руки – и бегом под кран... Несчастливая птица так спалила себе зад, что пришлось её вскоре зажарить в духовке...

– Ну что ж, не получилось с курами и утками, пусть тогда папа купит нам черепаху! – придумала Лидочка, посоветовавшись с братом.

– Черепаху? Да ради бога! – обрадовался Николай.

Он знал, что животные эти неприхотливые, едят мало, особо не пачкают, ухода почти не требуют. В квартире их держать несложно. Не то, что рыбок или птичек!

Поехал он на тот же рынок, где можно найти не только попугаев или змей, но даже мартышек и крокодилов. Привёз дочке черепаху.

– Ура! – ошастливилась Лидочка.

– Только, чур, – напомнил ей отец, – ухаживать за ней будешь сама! Как договаривались! Ясно?

– Да буду! Буду, конечно! – пообещала дочка, забирая живую игрушку в детскую комнату.

И действительно, всё, что нужно, делала сама: травку ей собирала, молоко оставляла в блюдечке. Николай никакого отношения к заботам о черепахе не имел. Ну, ползает себе по квартире, царапая пол своими длиннющими когтями, да и леший с ней. Пусть ползает, раз дочке нравится. Лидочка у него растёт красавицей, правда, волосы прямые и тонкие, как у него самого. А вот у сына – кудрявые, в мать пошёл.

Через неделю жене Николая удалось где-то достать путёвки в подмосковный детский лагерь, и пришлось Николаю отвезти туда Лидочку и Мишаню на летний отдых. Жена уехала в деревню – помогать матери справляться с огородом и садом. Николай остался один.

И, как водится у мужчин, любящих пиво и более крепкие напитки, возрадовался вольной жизни. Что там случилось с черепахой – то ли нечаянно наступил ей ногой на лапу – или на голову? – а в нём килограммчиков сто двадцать будет точно! То ли она сама каким-то образом выпала с балкона – он не помнил. Зато когда очухался и сообразил, что на следующий день приезжают дети из лагеря,

а значит, первым долгом спросят, где черепаха, помчался на рынок.

Купил. Точно такую же, как и прежде. Приосанился. Можно детей встречать. Прибрался в комнатах, приготовил обед, привёз Лидочку и Мишаню домой на своём внедорожнике. Опережая друг друга, дети побежали по лестнице...

– А где моя черепаха? – крикнула Лидочка, вбежав в прихожую.

– Да вон же она! – показывает Николай на новую квартирантку.

– Это не она! – завопила дочка. – Где моя черепаха! Вы её съели?! – и слёзы водопадом.

Как ни уверял отец, что это та же самая черепаха, просто Лидочка забыла, какая она, – ничего не помогало.

– Не нужна мне ваша черепаха! – воинственно объявила она отцу и больше к животному не подходила.

Пришлось отдать черепаху соседям. Но Николай не расстраивался – он был уверен, что дети скоро придумают себе новую забаву и придётся ему снова ехать на Птичий рынок.

Так вскоре и случилось...

Завладеть сердцем

Один оч-чень крутой Таракан решил жениться.

Стал держать совет со своей верной дружиной.

– Женись на московской тараканихе, но так, чтобы тебе выгода была. И немалая! – говорят одни.

– Лучше иностранку себе подбери, – подсказывают другие. – Если в Москве тараканов морить начнут, перелетите в самолёте к её заморской родне и спасётесь.

В одном сошлись все: жениться нужно не на юной красавице, а на такой тараканихе, которая останется с ним, даже если ему все лапы пообрывают и усы повывёртывают.

– Юность и красота – преходящее, а душа – вечное, – поясняют.

– Что же вы сами на фотомоделях женились? – возмутился крутой Таракан, усомнившись в искренности друзей.

– Вот и мучаемся теперь, – отвечают они. – Лучше бы мы их в любовницах держали.

Не послушался мудрых советов Таракан.

Решил выбрать себе такую жену, которая завладеет его сердцем. Начал ползать по всей округе, даже по мусорным бакам – Золушку свою отыскать вознамерился.

А тараканихи-матери, прослышав о таком деле, стали дочек своих, что были на выданье, почаше на свежий воздух выгонять: вдруг да попадутся на глаза именитому жениху, вдруг да с ума сведут!

Ползает Таракан повсюду день-другой – ничего подходящего не встречает, всё что-то обыкновенное, за душу не хватающее. Неужто самых лучших уже друзья поразбирали, а новые ещё не народились?

Опечалился Таракан, стал о заграничном варианте подумывать. Вдруг старую-престарую Тараканиху встречает, у которой не то, что внучки, пра-пра-правнучки замуж повыходили. «Спрошу-ка у неё, – думает. – Может, она знает, где красавица-затворница ждёт не дождётся своего Таракана-царевича».

– Как же, – оживилась старуха, – знаю такую. Но чтобы к ней добраться, надо в узкую-преузкую щель пролезть. Но зато девица так хороша – ни одной другой на свете нет, чтобы была ей ровня. И умелица, и рукодельница, и умница, и красавица. И характером благоданная.

Загорелся Таракан, крылышками захлопал.

– В любую щель, – говорит, – пролезу, только покажи, где душа-девица живёт, слезы горькие проливает, меня дожидаясь.

Объяснила ему Тараканиха, как найти красавицу, и помчался он за своей суженой. Один, без дружины пошёл, чтобы, упаси бог, не посмеялись над ним, если в щель не пролезет. День ползёт, два ползёт, неделю ползёт. Не ест, не пьёт, всё боится в щель не пролезть. Он ведь не один месяц на жирных харчах откармливался, в весе заметно прибавил.

Дополз до заветной щели в плинтусе, совсем обессиленный. Припал к половицам, отдыхает.

А из щели вдруг голосок ласковый:

– Ну, здравствуй, добрый молодец! Давно тебя поджидаю. Уж и не чаяла, что придёшь.

Обрадовался Таракан, подполз поближе. Вперёд себя подарок протолкнул. И опять прилёт, набираясь сил перед решительным действием.

А девица нежным голоском зазывает:

– Что же ты через порог не перелезешь? Я уже принарядилась, и стол накрыла. Посмотри на красу мою неземную.

– Я бы не прочь, и даже очень хочу. Но негоже как-то к незамужней скромнице одному в дом заглядывать, – слукавил он. – Выйди сама ко мне, душа-девица! Покажись во всей красе!

– И не проси, добрый молодец. Бабыя дорога – от печи до порога, – строгим тоном молвила она. – Не пристало благовоспитанной тараканихе так себя вести. А если ты чересчур толстый и пролезть ко мне не можешь, просунь в щель усы да голову – хоть погляжу на тебя. Может, люб мне будешь!

Окрылился надеждой Таракан, просунул в щель усы, пошевелил ими. Втянул ноздрями воздух – и такой влекущий аромат учуял, что голова пошла кругом, затрепетал от волнения. И не заметил, как по самую шею в дом невесты пролез. Хотел и дальше протиснуться, да вот беда – застрял на полдороге. Ни туда ни сюда сдвинуться не может.

А девица знай себе смеётся. Так хохочет, что остановиться не может. Уставился на неё Таракан. Дородная, лоснится от жира. Спору нет, красивая по тараканьим меркам. С такой только детей плодить. Повёл глазами по сторонам – действительно рукодельница: весь дом увешан симпатичными поделками.

– Как же ты сама отсюда выходишь на свет божий? – вдруг сообразил Таракан, озадаченно глядя на неё.

– А зачем выходить? Мне и здесь хорошо, – отвечает задорно.

– Хорошо-то хорошо. Но ведь питаться как-то надо? – недоумевают он.

А девица аж за живот схватилась от хохота. По круглым щекам слёзы ручьями потекли. Вытерла их, да и говорит:

– Не о том ты печёшься, добрый молодец. Любовь – она всего сильнее! В ней истинная пища для души и тела. Вот смотрю я на тебя, такого ухоженного, приятного, на усы твои гладкие, на зубы сахарные, от лучшего дантиста... И хочется мне тебя обнять, приласкать... И чувствую, как страсть закипает во мне. Так закипает, что удержаться не могу!

Подползла она к нему, поцеловала сладко. Зажмурился Таракан от удовольствия, растаял от увещаний и неги.

А девица ему уже на ухо нашёптывает:

– Вот и питаюсь я любовью... Ты спрашивал про еду? Так еда же ко мне сама приходит, – и с этими словами взяла да откусила ему голову.

А там и до сердца добралась, завладела им полностью, как и мечтал Таракан, ненароком напорочив себе такую судьбу.

А к щели уже вся родня под предводительством подлой Тараканухи спешит на пир. Откуда только повылезали!

– Попался, дуралей! – прогундосила старая ведьма, впиваясь зубами в ещё трепещущее тело.

* * *

Так что, друзья-тараканы, помните: жениться не напасть, да как бы при этом не пропасть!

3

взрослые —
детьяМ



ГРИГОРИЙ ГАЧКЕВИЧ

Как снег искал ночлег

Весь день шёл снег,
Всю ночь шёл снег,
Искал хоть где-нибудь ночлег,
Засыпал всех, укутал всех
В пушистый и уютный мех.
Но вскоре мёрзнуть начал снег
И перешёл на быстрый бег.
Под утро он ночлег нашёл,
Уснул, и стало хорошо.

Гачкевич Григорий Миронович – поэт, член Союза писателей Северной Америки, член Международной гильдии писателей. Родился в 1973 году в Молдавии. Пишет стихотворения для детей на русском, английском и румынском языках. Автор восьми поэтических книг на русском языке, среди которых: «Весёлый Алфавит!», «В синем небе я купаюсь», «Какого цвета зебра?», «На оладушки!», «Простая радость», «Я – в игре!» и др., а также многочисленных публикаций в российских и зарубежных изданиях. Многократный лауреат всероссийских и международных литературных конкурсов. Живёт в Кишинёве, Молдова.

Баллада о взлетевших пингвинах

Средь снегов и грузных льдин,
Там, где некуда южней,
Жил да был один пингвин,
Прозябал в расцвете дней.
Был не то чтоб нелюдим,
Хоть слегка чудаковат,
Но среди скрипучих льдин
Он один искал закат.
И, как зеркалу, воде
Говорил наш чёрный фронт:
«Если птица я, то где
Мой “летательный” талант?!
Вот бы мне сорваться прочь
От безмолвных грустных льдин
Вслед за солнцем через ночь
В “Край пингвиных половин”!
Слышал я, что в том краю
(Верю: так тому и быть!)
Половинку все свою
Могут встретить – полюбить!
В жизни ведь одно из двух:
Или веришь или нет!» –
И, сказав он это, вдруг
Ощутил волшебный свет –
Рядом с ним была она!
И была милей всего
В целом мире лишь одна
Половиночка его!
Тот, кто был хоть раз влюблён,
Вмиг историю поймёт!
Явью стал пингвиний сон –
Двух влюблённых птиц полёт!

Кто же не любит цветы!

Полагаю, что приматы
Любят лилий ароматы!
А, возможно, обезьяны
Любят также и тюльпаны!
Вероятно, им знакомы
Чары нежной эустомы!
И они не так уж дики,
Значит, знают про гвоздики!
Чтоб не отойти от темы,
К ним добавим хризантемы!
Ведь не могут обезьяны
Только прыгать на лианы!
Я уверен, что примат –
Не бездушный автомат!

Поклонники весны

Ещё скрипит снег под ногами,
Ещё задиристый мороз
Цепляет белыми когтями
И щиплет уши нам и нос.

Ещё не слышно птичьих трелей –
Настолько, чтобы вместе петь.
Пока что солнце еле-еле
Сердца всем пробует согреть.

Но всё течёт неумолимо –
И вскоре зазвенит капель.
Зима уже стреляет мимо,
Весна же метит точно в цель.

И в этом страстном поединке,
Где результаты всем ясны,
Хоть и берём на память льдинки,
Мы все – поклонники весны!

Солнечное утро

Какое солнечное утро!
В нём столько воздуха и света,
Что миллион огней как будто
Зажгли сегодня небо это!

И в настроении отличном
Идём вдвоём гулять с Серёгой,
А солнце светит безгранично
Над нашей дальнею дорогой!

Ещё нет чёткого маршрута,
Но есть уже над нами карта.
Пойдём за солнцем – это круто!
Особенно в начале марта.

И вверх несут нас ноги сами,
Бывает это лишь весною!
И небо меряем шагами
Мы между солнцем и луною!



ИРИНА МАТКОВСКАЯ

Авторитет

(из книги «Чита, Мартимошка и другие»)

Степан во сне... купил пингвина,
А также приобрёл он кенгуру.
Хоть это всё несовместимо,
Он докупил в придачу какаду.

Чтоб денег на зверей хватило,
Кредиты в банках он в момент набрал.
Директор цирка очень мило
Оплачивать кормёжку обещал.

Матковская Ирина Георгиевна окончила МГУ им. М.В. Ломоносова, экономический факультет. Много лет работала в ФГБУ «Российская государственная библиотека». В 2003 г. награждена почётной грамотой Министерства культуры РФ. Параллельно с основным видом деятельности занималась литературным творчеством. Пишет сказки, рассказы, стихи для детей и взрослых. С 2004 г. — член Московской городской организации Союза писателей России. В 2020 г. вышла книга «Когда поют гладиолусы» (изд-во «У Никитских ворот»), «Чита, Мартимошка и другие» (изд-во «У Никитских ворот», 2021 г.). Лауреат конкурса «Преодоление» (МГО СП России) в номинации «Гранатовый браслет» им. А.И. Куприна (2020 г.) и в номинации «Квартет» им. И.А. Крылова (2021 г.). Лауреат конкурса «Волшебное перо» в номинации им. Г.Х. Андерсена (МГО СП России, 2021 г.).

На время поселить в квартире
Гостей он легкомысленно решил.
А чтоб они все жили в мире,
По разным их углам распределил.

Но кенгуру открыл все краны
И по квартире смело стал скакать.
Нашёл он пингвинёнка в ванной —
И ну его как следует купать.

Потёр ему мочалкой спину,
Прополоскал раз десять от души
И положил сушить в корзину:
Мол, а теперь немного отдохни.

А попугай взлетел на люстру:
Любил качаться он и рассуждать.
Он прокричал: «Я парень шустрый
И не позволю птичек обижать!»

Затем он подлетел к пингвину
И о здоровье справился его,
Сказав, что только апельсины
От нервотрёпки лечат хорошо.

Ещё он невзначай заметил,
Что в коммуналке жить не будет он,
Что у него есть на примете
Весьма приличный и добротный дом.

А что касается Степана,
То пусть он разберётся с кенгуру,
И надо быть совсем профаном,
Чтобы не знать, что любит какаду.

Вода лилась на пол из кранов,
Но это не смущало кенгуру,
Увлёкся он уже диваном,
Самозабвенно роя там нору.

В момент сей самый напряжённый
Степан проснулся и протёр глаза.
Его котяра рыжий скромно
Висел на шторе... Впрочем, как всегда.

Степан рванулся к пингвинёнку,
Неокончательно придя в себя.
На полдороге вскрикнул громко:
«Ведь можно так легко сойти с ума!»

Работал в цирке он на входе:
Билеты вечерами проверял.
При маленьком своём доходе
Отдельный номер сделать он мечтал.

Хотел заняться он дрессурой:
Быть может, по арене льва гонять,
А может, приручить лемура
И научить его на льве скакать!

Ну, в общем, планов было много,
Фантазии хватало у него.
Вот только, выражаясь строго,
Про фауну не знал он ничего.

И тут его вдруг осенило,
Что нужно кругозор свой расширять
И что ему вполне по силам
В библиотеке книги почитать.

Мечта мечтой – со львом в обнимку
И лапу крепко кенгуру пожать,
Погладить медвежонку спинку...
Но надо их ещё повадки знать.

Сон так ударил по Степану,
Что в академию он поступил.
Теперь вставал он утром рано
И в Тимирязевку свою спешил.

И окунулся он в учёбу,
Причём никто его не заставлял!
С котом Василием на пробу
Воспитывать он попугая взял.

Конечно, кто тут воспитатель, —
Большой и очень непростой вопрос.
Окраски яркой обладатель
Везде совал свой любопытный нос.

Как тот, во сне, желал здоровья,
Похваливал Степана иногда.
Когда ж Василий лез к застолью,
Он буркал, что отравлена еда.

Назвали попугая Дроном:
Под потолком любил он зависать.
И если кто-то портил шторы,
Любил как следует его ругать.

И тут Степан придумал номер!
Талантлив оказался какаду,
Да и котяра рыжий скромный
Всё что угодно делал за еду.

Директор, юмор понимавший,
Степана энергично поддержал,
А Вася, ловко мышь поймавший,
Директорским любимцем сразу стал.

Так что труда не составляло
Им на арену цирка выходить,
И даже иногда бывало,
Их силой приходилось уводить.

А публика рукоплескала!
Но, правда, Стёпа еле успевал:
Учился ж на ветеринара
И в цирке на манеже выступал.

Недавно Дрон на тренировке
Зарвался и Степану дал совет:
Подвергнуть жёсткой дрессировке
Дворняжку, с коей мается сосед.

Собака лаяла и выла –
Видать, считала, что она поёт.
Но публика не оценила
И думала совсем наоборот.

Степан поговорил с соседом,
И попугая допустили к псу.
О чём они вели беседу,
Об этом я сказать вам не могу.

Но через день уже дворняга
Культурно лапу Стёпе подала.
Вить перестала бедолага,
И наступила в доме тишина.

Тут занемог вдруг белый пудель
У Маши со второго этажа.
Он, тайно съев с малиной штрудель,
Лежал, икая вот уже полдня.

Опять Степан наш отличился:
Собаке нужные таблетки дал
И с Машей заодно сдружился,
А Васька в мячик с пуделем сыграл.

Зауважали все Степана,
А Васю с Дроном – уж само собой!
Бананы кушать и сметану
Им стало даже тяжело порой.

Вот так растёт авторитет.
Легко ль его приобрести?
Один здесь небольшой секрет:
Сам должен человек расти.

СОДЕРЖАНИЕ

Поэзия

Инна Дёмина	7
Любовь Звягинцева	12
Вилен Иванов	15
Василий Мурзин	20
Анатолий Суслов	22

Проза

Вячеслав Килеса	35
Александр Махнёв	41
Николай Низиенко	47
Василий Поляков	50
Ольга Шевчук	55

Взрослые – детям

Григорий Гачкевич	73
Ирина Матковская	77